

Ю. А. СЛЕЗКИНЪ

„ТРИ ВСТРѢЧИ“

И ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ

БУЭНОСЪ АЙРЕСЪ

1 9 5 6

Посвящается подругѣ дней моихъ — моей женѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

"Мы грузчики, мы разгружаемъ вагоны,
Мы носимъ тюки на усталой спинѣ;
Мы тѣ, кто носили недавно погоны
И кровь проливали за Русь на войнѣ".
(“Грузчики“, стихотвореніе
кн. Касаткина-Ростовского).

Торжествуя свою призрачную побѣду въ 1-ой Мировой Войнѣ, — въ которой Россія, отдавъ для спасенія взывающихъ о спасеніи союзниковъ жизни своихъ лучшихъ сыновъ, сама пала жертвою предательства и измѣны, — страны, принявшія то или иное участіе въ "побѣдѣ", установили шаблонъ ритуала: "Возлаганіе вѣнка на могилу Неизвѣстнаго Солдата". И только жуткія по своему количеству "безымянныя могилы" русскаго "Неизвѣстнаго Солдата" остались забыты и неукрашены цвѣтами.

Мы — пережившіе страшную трагедію нашей Родины, — познали теперь настоящую цѣну эгоизма и лицемѣрія холоднаго Міра и намъ не нужны ни его признательность, — ни его "цвѣты".

Пусть же взамѣнъ этихъ пахнувшихъ фальшью "цвѣтовъ", заслуженной наградой нашимъ героямъ будетъ наша о нихъ благоговѣйная память, передаваемая современниками — потомкамъ.

Авторъ.

Всѣ права сохранены за авторомъ

Impreso en la Argentina — Printed in Argentina

Imprenta "Dorrego" - Dorrego 1102, Buenos Aires

Т Р И В С Т Р Ъ Ч И

П о в ѣ с т ь

П Р О Л О Г Ъ

Въ пасмурный осенній день 194... года, въ одномъ изъ крупныхъ торговыхъ городовъ Южной Америки, передъ небольшимъ домикомъ на глухой, отдаленной улицѣ стояла траурная колесница. Панихида въ квартирѣ умершаго подходила къ концу. Уже отзвучалъ и замеръ послѣдній аккордъ "Вѣчной Памяти" и немногочисленные друзья покойнаго стали подходить проститься съ усопшимъ. На колѣняхъ, припавъ къ гробу, стояла немолодая уже женщина въ глубокомъ траурѣ. На ея осунувшемся лицѣ со слѣдами бывлой красоты, не видно было слезъ, но носило оно печать безысходнаго отчаянія и боли. Медленно поднявшись съ колѣнъ, она долго, не отрываясь, смотрѣла на лежащаго въ гробу... Поцѣловавъ его въ послѣдній разъ, она, почти теряя сознание, оперлась на руку не оставлявшаго ее пожилото, скромно одѣтаго господина, со слѣдами бывлой военной выправки. Безшумно приблизились агенты похороннаго бюро и стали привинчивать къ гробу тяжелую крышку. На крышкѣ была укрѣплена обнаженная шашка съ георгиевскимъ темлякомъ и фуражка съ офицерской кокардой. Когда гробъ вынесли, и траурная процессія медленно двинулась по улицѣ, одинъ изъ друзей покойнаго пошелъ впереди, неся въ рукахъ подушку съ орденами умершаго, другой, бережно поддерживая под руку вдову своего друга, повелъ ее за гробомъ.

Стоящіе въ сторонѣ, нѣсколько человѣкъ изъ администрации и рабочихъ фабрики, на которой работалъ умершій, пришедшіе отдать ему послѣдній долгъ, недоумѣнно переглянулись между собою:

Кто же такой былъ этотъ, работавшій у нихъ на фабрикѣ, пожилой иностранецъ, котораго они называли просто "Pablo" и котораго часто снисходительно хлопывали по плечу, видя въ немъ простаго рабочаго?!

Кто же былъ въ дѣйствительности скромный ночной сторожъ фабрики "Прогрессъ" Pablo Korsakoff, и почему хоронили его сегодня съ такими воинскими почестями?!

Июль 1914 года. Трехъ-дневный маневръ * Кавалерійской дивизіи закончился конной атакой "бѣлой" бригады на укрѣпленную переправу черезъ рѣку В., которую защищали "синіе". Сигнал "отбой", подхваченный трубачами всѣхъ полковъ, остановилъ "атакующихъ" и "атакуемыхъ" на застигнутыхъ сигналомъ мѣстахъ и военные посредники обѣихъ сторонъ съѣхались у холма, на которомъ стоялъ руководившій маневрами Начальникъ кавалерійской дивизіи. Вызвавъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, начальникъ дивизіи — генералъ генеральнаго штаба — сдѣлалъ обстоятельный разборъ маневра, не пропустивъ указать на допущенныя въ дѣйствіяхъ обѣихъ сторонъ ошибки. Затѣмъ, поблагодаривъ полки за службу, генералъ уѣхалъ съ начальникомъ штаба въ поданный ему автомобиль и уѣхалъ. Полки, получивъ двухъ-дневный отдыхъ, въ которомъ такъ нуждались послѣ утомительныхъ переходовъ люди и лошади, съ трубачами впереди, расходились по назначеннымъ имъ для дневки районамъ.

Под звуки темпераментнаго "Испанскаго Болеро", гусарскій полкъ, вытянувшись въ длинную колонну по шести, направился къ деревнѣ Д., въ которой ему были отведены квартиры. Выѣхавъ изъ строя, офицеры группами ѣхали передъ своими эскадронами, обмѣниваясь впечатлѣніями отъ маневровъ и предвкушая удовольствіе вскорѣ почиститься, смыть съ себя походную пыль и пообѣдать въ офицерскомъ собраніи. Впереди полка, элегантно сидя на своей золотистой англійской кобылѣ, ѣхалъ блестящій, моложавый командиръ полка — полковникъ Орловъ, — разговаривая съ двумя штабъ-офицерами и своимъ адъютантомъ.

Когда голова колонны полка уже подходила къ деревнѣ, оттуда, навстрѣчу полку, выѣхалъ немолодой уже полный господин въ новенькомъ спортивномъ костюмчикѣ, довольно увѣренно сидѣвшій на своей круглой, сытой лошаdkѣ съ коротко подстриженнымъ хвостомъ. Вѣжливо приподнявъ шляпу, подѣхавшій отрекомендовался управляющимъ имѣніемъ князя Воротынскаго и передалъ командиру полка приглашеніе

своихъ хозяевъ пожаловать вечеромъ съ г. г. офицерами на чашку чая. Получивъ согласіе командира полка и просьбу поблагодарить князя за приглашеніе, посланецъ вновь вѣжливо поклонился и свернувъ въ боковую улицу, рысью поѣхалъ къ бѣлевшему между деревьями парка большому двухъ-этажному дому съ колоннами и балконами.

Встрѣченные квартирьерами, эскадроны разошлись по дворамъ, а офицеры, умывшись и почистившись при помощи деньщиковъ, направились въ расположенное въ деревенской школѣ офицерское собраніе.

Тамъ ихъ уже ждалъ приготовленный заботами неутомимаго хозяина собранія — поручика Зарубина — сытный обѣдъ, въ которомъ и остуженная бутылочка "Абрау-Дюрсо" не была забыта. За обѣдомъ командиръ полка передалъ приглашеніе князя Воротынскаго и предложилъ желающимъ собраться къ 6 часамъ у штаба полка, чтобы идти вмѣстѣ. Кое-кто изъ болѣе солидныхъ офицеровъ уклонился отъ предложенія, предпочитая поужинать въ собраніи и "перекинуться" послѣ ужина "въ картишки", молодежь же охотно откликнулась на приглашеніе, рассчитывая повеселиться въ обществѣ молодыхъ дамъ и дѣвицъ, которыя, безъ сомнѣнія, должны были быть въ домѣ Воротынскихъ, въ эти пригожіе, лѣтніе дни.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и самый молодой изъ офицеровъ полка — корнетъ Павелъ Николаевичъ Корсаковъ, или просто "Павликъ", какъ его звали всѣ въ полку. Только что выпущенный из училища, еще не искушенный жизнью и нѣсколько романтический корнетъ, всегда жилъ смутною мечтою встрѣчи съ какой-то "необыкновенной" женщиной, которой он отдастъ свое 22-лѣтнее сердце.

Въ назначенное время человѣкъ 15 офицеровъ собралось на указанномъ мѣстѣ въ ожиданіи прибытія командира полка. Ровно въ 6 часовъ показался полковникъ Орловъ въ сопровожденіи полкового адъютанта — выходеннаго элегантнаго штабсъ-ротмистра Нелидова и офицеры, весело перекидываясь замѣчаніями и шутками, направились по обсаженной тополями дорогѣ, которая вела къ помѣщичьему дому. Войдя въ ворота

парка, они прошли тѣнистую аллею платановъ и вышли на площадку, на которой стоялъ домъ.

На ступенькахъ террасы гостей встрѣтилъ князь Воротынский — пожилой представительный господинъ съ тонкими, породистыми чертами лица. Привѣтливо поздоровавшись съ прибывшими, онъ пригласилъ ихъ войти въ домъ, изъ раскрытыхъ оконъ котораго слышались молодые, веселые голоса и смѣхъ какого-то большого общества. Въ гостиной, въ которую князь ввелъ своихъ гостей, на диванѣ сидѣли княгиня Воротынская — еще хорошо сохранившаяся, эффектная дама, просто, но элегантно одѣтая, — и нѣсколько другихъ дамъ. Представивъ офицеровъ своей супругѣ и дамамъ постарше, князь сдѣлалъ жестъ рукой въ сторону цѣлаго "букета" молодыхъ барышень и двухъ лицейстовъ, бывшихъ въ другомъ концѣ комнаты, и съ улыбкой сказалъ:

— Ну, а съ молодежью, господа, вы уже сами знакомьтесь и пожалуйста чувствуете себя здесь какъ дома.

На мгновеніе голоса въ гостиной, какъ это всегда бываетъ при входѣ новыхъ, незнакомыхъ людей, смолкли, но черезъ нѣсколько минутъ первое стѣсненіе прошло и жизнерадостные молодые поручики и корнеты, "овладѣвъ положеніемъ", уже заставляли непринужденно, весело болтать и смѣяться своихъ новыхъ знакомыхъ. Оба же лицеиста украдкой съ завистью разглядывали "красавицъ чакчиры" и сапоги съ розетками блестящихъ гусар.

Въ первыя минуты у Павлика Корсакова смѣшались лица всѣхъ находившихся въ комнатѣ барышень, и онъ даже не смогъ бы сказать — сколько ихъ тамъ было. осмотрѣвшись немного, онъ уже началъ ихъ различать одну отъ другой. Вот эта высокая брюнетка, съ тонкими, какъ у отца, чертами лица, которая разговариваетъ съ адъютантомъ — была дочь князя Воротынскаго, княжна Свѣтлана. Другая, похожая на нее, совсѣмъ еще молоденькая дѣвушка — была ея младшая сестра Татьяна. Тѣ двѣ, нѣсколько манерно держащіяся и слишкомъ для деревни нарядно одѣтыя барышни — были сосѣдки Воротынскаго по имѣнію. А эта полненькая, смѣшная блондинка около которой "увиаются" Ростовъ и Чернявскій, — была дочь управляющаго княже-

скимъ имѣніемъ. Послѣднею онъ замѣтилъ средняго роста хрупкую барышню, съ каштановыми, чуть рыжеватыми волосами и удлинненными зелеными глазами подъ дугою изящно изогнутыхъ бровей, которая держалась нѣсколько сдержаннѣе своихъ подругъ. Но послѣ этого онъ уже не могъ отвести отъ нее глазъ и его неудержимо потянуло къ ней. Барышня эта была — Ирина Истомина, дальняя родственница Воротынскихъ, только что окончившая институтъ, и гостившая у своихъ родныхъ въ имѣніи. Корсаковъ нерѣшительно подошелъ къ ней и началъ какой-то незначущій, свѣтскій, разговоръ. Но постепенно они разговорились и у нихъ оказалось много общаго въ характерѣ и склонностяхъ: и тотъ и другая много читали и любили музыку и природу, — и тотъ и другая одинаково довѣрчиво смотрѣли на жизнь, ожидая отъ нея одного лишь свѣтлаго и радостнаго...

Проходившая мимо нихъ распорядиться по хозяйству княгиня, остановилась и ласково потрепавъ Ирину по щекѣ, сказала:

— Ты бы намъ что-нибудь сыграла, Ирочка, въ ожиданіи ужина!

Ирина поцѣловала ласкавшую ее руку и не жеманясь подошла къ роялю. Послѣдовавъ за нею, Корсаковъ помогъ ей поднять крышку рояля и снять с этажерки ноты. Выбравъ "Лунную Сонату" Бетховена, Ирина начала играть. Она далеко не была артисткой и у нее еще не было разработанной техники, но в игрѣ ея было много мягкости и чувства и первые же звуки привлекли вниманіе слушателей. Кончив сонату, она исполнила еще две или три вещи и поднялась, сказавъ, что устала. Раздался громъ аплодисментовъ и горячѣе всѣхъ выказывалъ свое восхищеніе молодой музыкантшѣ — Павликъ Корсаковъ.

Въ это время на порогѣ гостиной показался дворецкій и громко доложилъ, что ужинъ поданъ. Все общество перешло въ столовую и оживленно разговаривая, усѣлось за богато сервированный столъ. Посадивъ командира полка и офицеровъ постарше возлѣ хозяйки дома и болѣе солидныхъ дамъ, князь предоставилъ молодежи самимъ выбрать себѣ мѣста и сосѣдей, и во все

продолженіе ужина на этомъ — "лѣвомъ флангѣ" — стола не умолкалъ веселый молодой смѣхъ. Когда оживленный ужинъ уже подходилъ къ концу, а отъ нѣсколькихъ выпитыхъ стакановъ вина уже начинали пріятно кружиться головы, внезапно въ раскрытыя окна дома ворвались воздушные, чарующіе звуки Штраусовскаго вальса: — Это прибыли вызванные адъютантомъ полковые трубачи. Неожиданный сюрпризъ былъ встрѣченъ восторженными восклицаніями барышень, обрадованныхъ возможностью потанцевать. Понимая нетерпѣніе молодежи, хозяйка дома встала изъ-за стола и всѣ перешли въ гостинную, въ которой быстро отодвинули мебель, превращая ее в танцевальный залъ.

"Балъ" открылъ командиръ полка, который склонившись въ элегантномъ поклонѣ передъ княгиней Воротынской, пригласилъ ее на первый туръ вальса. Весело улыбаясь, княгиня подобрала трэнъ своего длиннаго платья и, положивъ руку на плечо своего кавалера, сдѣлала нѣсколько туровъ вальса. Примѣру командира послѣдовали и другіе офицеры и скоро 6—7 танцующихъ паръ, медленно вальсируя, закружились по залу. Корсаковъ пригласилъ Ирину и весь отдался чарамъ вальса съ понравившейся ему дѣвушкой.

Когда уставшимъ трубачамъ дали, наконецъ, передохнуть и разгоряченные танцоры вышли на террасу немного освѣжиться, неожиданно изъ сада грянулъ спрятанный за деревьями хоръ полковыхъ пѣсенниковъ — новая затѣя предприимчиваго адъютанта. Услышавъ пѣніе, всѣ оставшіеся въ гостинной высыпали тоже на террасу. Послѣ двухъ или трехъ пѣсенъ, хоръ замолкъ. Изъ темноты сада выступилъ "запѣвало" — бравый унтеръ-офицеръ Баранниковъ — и, подойдя къ стоящему на ступенькахъ террасы Корсакову, вытянулся передъ нимъ и, отчетливо щелкнувъ шпорами, доложилъ:

— Ваше благородіе, такъ что ребята очень васъ просятъ, напослѣдокъ, спѣть съ ними пѣсню, которой насъ обучали: такъ что безъ васъ никакъ невозможно!

Корсакову не хотѣлось оставлять Ирины, съ которой онъ стоялъ, но Баранниковъ такъ умоляюще на него смотрѣлъ, что онъ заколебался.

Замѣтивъ его нерѣшительность, Ирина сказала:

—Ну, конечно, идите. Навѣрное они привыкли пѣть съ вами?! Мнѣ очень хочется васъ послушать.

Корсаковъ спустился къ пѣсенникамъ и, разставивъ ихъ по голосамъ вокругъ себя, звонкимъ теноромъ запѣлъ:

"Взвейтесь, соколы, орлами..."

Руководимый Павликомъ хоръ стройно подхватилъ припѣвъ, и удалая военная пѣснь, все ширясь, неслась ввысь, поднимая настроеніе поющихъ и слушателей.

Кончивъ пѣть, Корсаковъ вернулся къ Иринѣ.

—Знаете,— задумчиво сказала ему Ирина, —я никогда не думала, что ваши военные пѣсни могутъ такъ сильно дѣствовать: въ нихъ чувствуется столько русской души, любви къ Россіи, что у меня поднимается чувство гордости, что и я русская!! И мнѣ становятся такъ понятны, такъ близки эти пѣсни!...

Павликъ восторженно слушалъ Ирину, и сердце его наполнялось какимъ-то новымъ чувствомъ, въ которомъ онъ еще и самъ не могъ разобраться.

Импровизированный "балъ" закончился бравурной мазуркой, которой дирижировалъ полковникъ Орловъ, когда-то блиставшій на Петербургскихъ балахъ. Лишь поздно ночью, поблагодаривъ радушныхъ хозяевъ, покинули, наконецъ, офицеры гостепріимный домъ Воротынскихъ, давъ слово придти на слѣдующій день обѣдать.

Вернувшись домой, Павликъ долго не могъ заснуть: передъ его глазами все стоялъ образъ дѣвушки съ зелеными глазами. Лишь передъ самымъ разсвѣтомъ онъ, наконецъ, заснулъ молодымъ, здоровымъ сномъ безъ сновидѣній. Ирина, причесываясь передъ тѣмъ, какъ лечь спать, тоже нѣсколько разъ ловила себя на мысляхъ о Корсаковѣ, чья привлекательная внѣшность и открытый, располагающій характеръ, вызывали у нее невольно чувство искренней симпатіи.

На слѣдующій день у Воротынскихъ готовилось маленькое семейное торжество по случаю дня совершеннолѣтія старшей дочери и къ обѣду ждали приглашенныхъ гусаръ и кое-кого изъ сосѣдей. Такъ какъ Воротынскіе лѣтомъ обѣдали рано — по-деревенски, —

то уже къ 12 часамъ къ дому начали подкатывать коляски и шаробаны съ гостями. Подѣхали верхами и офицеры, которыхъ встрѣтили уже какъ старыхъ знакомыхъ. Покамѣстъ хозяева занимали старшихъ гостей, молодежь разбилась на нѣсколько кружковъ. Взявъ одну изъ подругъ, Ирина предложила Корсакову и двумъ другимъ молодымъ офицерамъ пойти осмотрѣть паркъ. Во время прогулки, случайно отставъ отъ другихъ, Ирина съ Павликомъ остались одни. Поэзія стараго заглошаго парка и самая интимность этой прогулки съ нравящейся ему дѣвушкой, настраивали Павлика на особый ладъ, вызывая къ откровенности. Отвѣчая на вопросы Ирины, онъ рассказалъ ей всю свою несложную жизнь.

Онъ рано лишился родителей и былъ воспитанъ своимъ дядей, старымъ отставнымъ гусарскимъ полковникомъ. Слѣдуя фамильной традиціи, онъ по окончаніи кадетскаго корпуса и кавалерійскаго училища, вышелъ въ N-ій гусарскій полкъ...

Съ восторгомъ рассказывалъ Павликъ Ирину про свой полкъ, замѣнившій ему рано потерянную семью, о своихъ товарищахъ, своемъ эскадронѣ, старомъ вахмистрѣ, любимой лошади..., словомъ обо всемъ, что переполняло его юную душу... Ирина внимательно слушала, изрѣдка завая ему вопросы. Увлечшись разговоромъ, они и не замѣтили, какъ пролетѣло время...

Звукъ "гонга", призывающій къ обѣду, вернулъ ихъ къ дѣйствительности и они поспѣшили домой.

Когда всѣ собрались, радушные хозяева пригласили гостей въ столовую и все большое общество "безъ чиновъ" усѣлось за длинный обѣденный столъ, сверкающій фамильнымъ серебромъ и хрусталемъ.

Уже заканчивался этотъ оживленный, праздничный обѣдъ и не мало бокаловъ было осушено за виновницу сегодняшняго торжества и гостепріимныхъ, хлѣбосольныхъ хозяевъ, когда къ сидѣвшему адъютанту подошелъ сзади дворецкій, и, наклонившись къ его уху, что-то тихо сказалъ. Попросивъ разрѣшенія хозяйки встать изъ-за стола, адъютантъ торопливо вышелъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, держа въ рукѣ бланкъ телеграммы и, подойдя къ коман-

диру полка, молча положилъ ее передъ нимъ. Извинившись передъ княгиней, командиръ полка открылъ телеграмму и пробѣжалъ ее глазами. Лицо его сразу стало строго и рѣшительно, рука, державшая телеграмму, слегка дрожала. Всѣ смолкли и впились въ него глазами, инстинктивно почувствовавъ, что происходитъ что-то значительное...

Командиръ полка поднялся, обвелъ глазами своихъ офицеровъ и твердымъ, металлическимъ голосомъ произнесъ:

“Господа офицеры! Германія объявила Россіи войну. Австрія мобилизовала свою армію и готова послѣдовать примѣру Германіи. Его Императорское Величество Государь Императоръ, исчерпавъ всѣ средства предотвратить войну, приказалъ объявить общую мобилизацію. Русская Армія готова выполнить свой долгъ передъ Государемъ и Родиной. Полку надлежитъ завтра же грузиться, чтобы вернуться къ мѣсту штатной стоянки и готовиться къ походу!”

Когда командиръ полка кончилъ, всѣ невольно встали и въ комнатѣ воцарилась мертвая тишина...

Но внезапно молчаніе прервало стихійно раздавшееся “ура”, и вслѣдъ за этимъ, величавые звуки русскаго гимна — этой молитвы за Царя — наполнили стѣны комнаты! Пѣли всѣ, и въ этомъ горячемъ порывѣ вылилось охватившее присутствующихъ чувство безпредѣльной преданности и любви къ Монарху, къ Россіи...

Громче всѣхъ, покрывая другіе голоса, звучалъ восторженно голосъ Павлика Корсакова, лицо его сіяло молодымъ энтузіазмомъ.

Полными слезъ глазами смотрѣла княгиня Воротынская на офицеровъ, ставшими сейчасъ ей особенно близкими, родными...

Когда первый моментъ общаго экстаза прошелъ, командиръ полка, обращаясь къ офицерамъ, сказалъ:

—Господа офицеры! наши милые хозяева нас простятъ, что мы принуждены будемъ прервать этотъ пріятный праздникъ. Поблагодаримъ же ихъ за гостепріимство и ласку и поспѣшимъ въ полкъ, такъ какъ мы выступаемъ на разсвѣтъ.

Сердечно простившись съ Воротынскими, офицеры направились домой. Пропустивъ впередъ товарищей, Корсаковъ немного задержался: ему хотѣлось еще разъ увидѣть Ирину и непременно ей что-то сказать на прощаніе, а что — онъ и самъ не зналъ! Какъ бы угадывая его желаніе, Ирина подошла къ нему и, глядя на него своими лучистыми глазами, взволнованно сказала:

— Павел Николаевичъ! Вы идете на страшную войну, гдѣ васъ ждутъ всѣ ея ужасы. Исполните мою просьбу: возьмите этотъ образокъ Божьей Матери. Я вѣрю, что онъ спасетъ и сохранитъ васъ въ опасности!

И она протянула Павлику снятый съ шеи образокъ.

Съ признательностью и нѣжностью смотрѣлъ Павликъ на Ирину. Благоговѣнно поднесъ онъ къ губамъ ее руку, поклонился и побѣждалъ догонять своихъ товарищей...

На разсвѣтъ чистый утренній воздухъ всколыхнули звуки бравурнаго марша гусарскихъ трубачей. Поднимая по дорогѣ высокую пыль, удалялась отъ деревни длинная колонна эскадроновъ на сѣрыхъ лошадяхъ... Все слабѣе доносятся звуки серебрянныхъ трубъ... Вотъ они уже совсѣмъ перестали быть слышны... Еще долго стояла у окна Ирина и не замѣчала сама, какъ по ея щекамъ скатывались предательскія слезинки... Наконецъ, слабо вздохнувъ, она отошла отъ окна.

II

Мобилизація въ гусарскомъ полку подходила къ концу. Уже съ математической точностью начали прибывать призванные запасные, приняты отъ ремонтныхъ комиссій обозныя и вьючныя лошади, получено и роздано по эскадронамъ новое боевое снаряженіе. На 3-ій денъ ьмобилизаціи, первый эшалонъ былъ уже готовъ къ погрузкѣ.

Весь городъ былъ въ этотъ день на станціи, провожая гусаръ на войну. Ровно въ 7 часовъ утра началась погрузка: вотъ ввели въ вагоны по деревяннымъ сходнямъ осторожно переступающихъ ногами и пугливо косящихъ глазами лошадей; "крѣпкимъ словомъ"

подбодрилъ бравый унтеръ-офицеръ торопливо бѣгущаго по платформѣ замѣшковавшагося молодого солдата; въ послѣдній разъ, глотая слезы, перекрестили отъѣзжающихъ матери, жены и сестры... Провѣривъ все ли въ порядкѣ, дежурный по эшелону подаль начальнику станціи знакъ къ отправленію. Начальникъ станціи махнулъ рукою, паровозъ далъ протяжный гудокъ, звякнули тормоза и сѣпы двинувшихся вагоновъ и, подъ звуки полкового марша и "ура" молодцовъ-гусаръ, поѣздъ плавно отдѣлился отъ платформы и, все прибавляя ходу, пошелъ на западъ. Еще долго, пока мѣстъ поѣздъ совсѣмъ не скрылся изъ виду, махали провожающіе платками и, наконецъ, съ тяжелымъ сердцемъ начали расходиться по домамъ.

Кавалерійская дивизія, въ которую входилъ полкъ Павлика Корсакова, предназначалась для военныхъ дѣйствій противъ Австро-Венгріи. По мѣрѣ прибытія эшелоновъ на станцію Ш., они выгружались и направлялись в мѣстечко В., вблизи самой русско-австрійской границы. Вскорѣ началась и боевая служба полковъ. Высланные впередъ развѣдывательные эскадроны и разѣзды уже имѣли небольшія стычки съ непріятельскими развѣдывательными частями и ихъ первые трофеи: нѣсколько плѣнныхъ австрійскихъ уланъ въ красивой парадной формѣ, ихъ лошади, кавалерійскіе карабины и собли — съ любопытствомъ разсматривались еще не побывавшими "въ дѣлѣ" офицерами и солдатами.

3-го августа 1914 года ** Кавалерійская дивизія была поднята ночью по тревогѣ и, перейдя русско-австрійскую границу, вторглась въ предѣлы Австро-Венгерской монархіи. Остались уже гдѣ-то позади полосатые пограничные столбы, на которыхъ — на одной сторонѣ, под двухъ-главымъ орломъ стояла надпись: "Россія", а на другой: "Австро-Венгрія". Но уже чья-то ретивая рука успѣла зачеркнуть мѣломъ надпись "Австро-Венгрія" и на ея мѣстѣ крупными буквами вывести: "Тоже Россія"!

Длинною змѣею двигалась по дорогѣ дивизія. Въ авангардѣ шли казаки. Темная ночь не позволяла ничего видѣть впереди себя, и, чтобы не оторваться отъ авангарда, гусарскій полкъ, идущій вслѣдъ за казаками,

соединился съ нимъ "цѣпочкой" (нѣсколько паръ всадниковъ на интервалѣ въ 30—50 шаговъ, ѣдущихъ между колонной главныхъ силъ и авангардомъ).

Хотя противникъ и не былъ еще обнаруженъ, но чувствовалось, что онъ былъ уже гдѣ-то совсѣмъ близко, и по колоннѣ было передано приказаніе: не разговаривать и не курить.

Эскадронъ, въ которомъ былъ Павликъ Корсаковъ, шелъ въ головѣ гусарскаго полка, настороженно прислушиваясь въ ночной темнотѣ. Безшумно ступали по мягкой дорогѣ гусарскія лошади и лишь изрѣдка ихъ фырканье, или звякнувшее стремя случайно наѣхавшаго на сосѣда всадника, нарушали мертвую тишину.

Нервы у всѣхъ были напряжены... Но вотъ гдѣ-то впереди слышалось нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ, потомъ затрещала частая ружейная и пулеметная стрѣльба и раздалось "ура" казаковъ!

Колонна главныхъ силъ остановилась, дожидаясь приказаній. "Что тамъ происходитъ?" — пронеслось въ головѣ Павлика Корсакова, и онъ весь рвался скорѣе туда, гдѣ уже дерутся и гдѣ, быть можетъ, уже идетъ лихая атака казаковъ! То же чувство нетерпѣнія испытывали и другіе офицеры и солдаты. Наконецъ, откуда-то изъ темноты, изъ командиру гусарскаго полка подсказалъ ординарецъ начальника дивизіи, бывшаго впереди, и передалъ приказаніе: выслать два эскадрона гусаръ на поддержку казакамъ, атакующимъ деревню, занятую батальномъ австрійской пѣхоты. Дивизионеръ — подполковникъ Багрянцевъ — подаль сочнымъ баскомъ команду, и 1-ый и 2-ой эскадроны, отдѣлившись отъ колонны полка, рысью пошли въ направленіи выстрѣловъ. Блѣдныя лучи разсвѣта начали разсѣивать ночную мглу и уже видно было, какъ казаки, спѣшившись, вели цѣпами перебѣжки, быстро приближаясь къ деревнѣ. Сзади, на рысяхъ, выѣхала конная батарея и, снявшись съ передковъ, дала нѣсколько очередей по виднѣвшимся вдали австрійскимъ окопамъ, откуда шло непрерывное стрекотаніе пулеметовъ и винтовокъ. Въ отвѣтъ, откуда-то изъ-за деревни, показались взблески 4-хъ непріятельскихъ орудій и нѣсколько шрапнелей разорвалось гдѣ-то далеко за дивизіей. Скоро стрѣль-

ба австрійцев стала безпорядочнѣе и кучки солдатъ въ сѣро-голубыхъ шинеляхъ, съ большими ранцами за спиной, начали выскакивать изъ окоповъ и бѣжать назадъ черезъ деревню.

Сѣвъ на коней, казаки разсыпались въ лаву и съ громомъ поскакали черезъ деревню, преслѣдуя австрійцевъ. Спѣша на поддержку казакамъ, гусары шли уже полевымъ галопомъ, обходя австрійцевъ справа. Вотъ уже ясно видны сгорбленные под тяжестью ранцевъ сѣрыя фигурки, которыя в безпорядкѣ бѣжали черезъ деревню. . . По рядамъ гусаръ раздалось "ура" и, взявъ пики "къ бою", они неслись прямо на австрійцевъ. Выпустивъ во весь махъ свою кровную лошадь, Корсаковъ скакалъ впереди своего взвода, судорожно сжимая въ рукѣ вынутую шашку.

Часть непріятельскихъ солдатъ, понукаемая своими офицерами, остановилась и начала стрѣлять по атакующимъ, и 2 гусара и 5 казаковъ упало съ лошадей, которыя обезумѣвъ отъ страха, продолжали нестись вперед. Пули свистѣли мимо ушей Павлика, но онъ ихъ даже не замѣчалъ и только рвался скорѣе доскакать до австрійцевъ. . . Когда гусары и казаки были уже въ 100 шагахъ, австрійцы начали бросать на землю винтовки и подняли кверху руки, показывая, что сдаются. Одновременно съ казаками гусары подѣхали и окружили сдающихся.

Около 500 непріятельскихъ солдатъ при 16 офицерахъ, нѣсколько пулеметовъ и сотни винтовокъ были трофеями этого перваго боя. Начальникъ дивизіи со штабомъ рысью подѣхалъ къ участникамъ атаки и поздравилъ съ первымъ лихимъ кавалерійскимъ дѣломъ.

Шли годы страшной войны. . . Уже гдѣ-то далеко позади былъ этотъ первый бой, въ которомъ принялъ участіе Павликъ Корсаковъ. Русская армія, неся главную тяжесть войны, истекала кровью, жертвуя собою для спасенія взывающей о помощи союзной Франціи. . .

Въ рядахъ своего полка бился Павликъ Корсаковъ и на поляхъ Галиціи и въ отрогахъ Карпатъ и на просторахъ Буковины. Суровая боевая школа закалила его и выработала изъ него выдающегося кавалерійскаго

офицера. На второмъ году войны онъ былъ уже штабс-ротмистромъ и командовалъ эскадрономъ, а эфесъ его шаашки украшала черно-оранжевая ленточка геріевскаго темляка. Отдавшись безъ остатка выполненію своего долга, онъ почти не вспоминалъ Ирины и даже не зналъ, гдѣ она.

Наступило лѣто 1916 года. Блеснулъ яркой вспышкой славы знаменитый "Брусиловскій прорывъ". На сторонѣ Антанты выступила колебавшаяся долго Румынія. Одною изъ первыхъ была переброшена на Румынскій фронтъ ** Кавалерійская дивизія. Но съ первыхъ же дней своего выступленія, Румынская армія обнаружила полную свою небоеспособность и часто безъ предупрежденія обнажая фронтъ, подставляла русскія войска подъ удары дѣлавшихъ глубокой обходъ нѣмцевъ.

Въ октябрѣ 1916 г. гусарскій полкъ Павлика Корсакова, будучи въ отдѣлѣ отъ своей дивизіи, прикрывалъ флангъ нашей пѣхоты, отступающей подъ давленіемъ превосходныхъ силъ прорвавшей фронтъ арміи фельдмаршала Макензена. Эскадронъ, которымъ командовалъ Корсаковъ, получилъ приказаніе выдвинуться къ лѣсу, чтобы предупредить внезапное появленіе нѣмцевъ въ тылъ нашей пѣхоты, отходящей на новый рубежъ. Выславъ разъѣзды по дорогамъ, идущимъ черезъ лѣсъ, Корсаков спѣшилъ эскадронъ, чтобы дать передохнуть измученнымъ непрерывными переходами лошадямъ. Доставъ изъ сѣдельныхъ кобуръ консервы, усталые солдаты, сидя на землѣ, уничтожали свой скромный "обѣдъ".

Внезапно изъ лѣсу послышалась ружейная стрельба и показался отходящій галопомъ разъѣздъ корнета Шумскаго. Черезъ нѣсколько минутъ на опушкѣ лѣса появились германскія цѣпи, дѣлающія перебѣжки впередъ. Въ это время безконечная колонна нашей пѣхоты и артиллеріи, совершая трудное фланговое движеніе, тянулась по шоссе въ трехъ верстахъ отъ лѣса. Еще мгновеніе — и нѣмцы выйдутъ во флангъ пѣхоты, сбившейся со своими обозами и артиллеріей на узкомъ шоссе, окаймленномъ глубокими канавами!! Раздумывать долго не приходилось — надо было дѣйствовать! Корсаковъ рѣшилъ немедленно атаковать и отбросить нѣм-

цевъ, чтобы дать время пѣхотѣ и обозамъ пройти. Посадивъ эскадронъ, Корсаковъ развернулъ его для атаки на пѣхоту и скомандовавъ: "эскадронъ, за мной!!", поскокалъ на наступающія непріятельскія цѣпи.

Безостановочно клокотали нѣмецкіе пулеметы и винтовки, встрѣтивъ гусаръ роемъ пуль... Потерявъ своихъ всадниковъ, нѣсколько лошадей, ошалѣвъ отъ страха, со ржаніемъ неслись куда-то въ стороны... Вотъ нѣмцы уже совсѣмъ близко, уже можно было различать ихъ лица подъ плоскими стальными шлемами... Одни изъ нихъ еще продолжали стрѣлять, другіе, не выдержавъ атаки конницы, бросились бѣжать назадъ въ лѣсъ... Гусары рубили шашками и кололи пиками отчаянно сопротивлявшихся нѣмцевъ... Вдругъ Карсаковъ, бывший впереди, какъ-то нелѣпо взмахнулъ руками и упалъ съ лошади. Изъ головы его фонтаномъ била кровь... Принявъ командованіе, поручикъ Зарѣцкій спѣшилъ эскадронъ и разсыпавъ его въ цѣпь, преслѣдовалъ залпами отступающихъ нѣмцевъ. Вѣстовой и фельдшеръ подбѣжали къ Корсакову. Онъ лежалъ безъ движеній, широко разбросавъ руки. Перевязавъ его страшную рану, они положили Корсакова на носилки, прикрѣпленныя къ сѣдламъ двухъ лошадей и медленно повезли къ желѣзнодорожной будкѣ, возлѣ которой виднѣлись сѣрые кони. Оттуда уже шли на рысяхъ два эскадрона гусаръ и спѣшила навстрѣчу лазаретная линейка. Осмотрѣвъ лежащаго безъ сознанія Корсакова, полковой врачъ покачалъ безнадежно головой и переложивъ раненого на лазаретную линейку, отправилъ на желѣзнодорожную станцію, возлѣ которой стоялъ санитарный поѣздъ. Въ это время наша пѣхота, прибавивъ шагу, уже миновала угрожаемое мѣсто и занимала новую оборонительную позицію.

Поѣздъ съ тяжело-ранеными на румынскомъ фронтѣ шелъ къ русской границѣ. Сильный толчокъ вагона заставилъ Павлика Корсакова очнуться и онъ глухо застоналъ и забился на своей койкѣ отъ нестерпимой боли въ головѣ. Подошедшая сестра милосердія вспрыснула ему морфій и онъ затихъ и снова впалъ въ безпамятство.

По прибытію въ Россію раненые, среди которыхъ

былъ и Корсаковъ, были размѣщены въ одномъ изъ госпиталей въ Одессѣ. Двѣ недѣли Павликъ былъ между жизнью и смертью, большею частью находясь безъ сознанія. Наконецъ его молодой и здоровый организмъ побѣдилъ и онъ началъ понемногу оживать. В одно прекрасное зимнее утро, когда Корсаковъ уже почувствовалъ себя немного лучше и началъ узнавать окружающихъ, надъ нимъ склонилась, поправляя подушки, сестра милосердія въ бѣлой косынкѣ. Когда она выпрямилась и онъ увидѣлъ ея лицо, Павликъ широко раскрылъ одинъ глазъ (другой былъ забинтованъ) и волнуясь, слабымъ, прерывающимся голосомъ проговорилъ:

—Вы?! Ирина?!

Ирина (это была она), приложивъ палецъ къ губамъ, поспѣшно сказала:

—Ради Бога, не говорите ничего! Вамъ это вредно и докторъ запретилъ вамъ разговаривать! Когда вы немного окрѣпнете, мы обо всемъ съ вами поговоримъ!

И, отойдя отъ кровати, Ирина своею легкой походкой вышла изъ палаты. Съ этого дня въ состояніи здоровья Павлика наступило замѣтное улучшение: воспаленность спала и рана начала постепенно заживать. Ирина, когда только могла, сидѣла возлѣ него и ухаживала за нимъ съ рѣдкою заботливостью. Съ каждымъ днемъ силы все прибывали къ Корсакову и осматривая его, докторъ каждый разъ одобрительно кивалъ головой, приписывая дѣйствию медицины то, что дѣлала всемогущая любовь! Павликъ дѣйствительно чувствовалъ, что любить Ирину и отъ одного прикосновенія ея пальчиковъ ему становилось лучше. Ирина, въ тайникѣ своего сердца тоже находила къ Павлику чувство болѣе сильное, чѣмъ простая симпатія, но въ то же время, какая-то тайная мысль ее удручала и заставляла временами затуманиваться ея прекрасные глаза...

Однажды, разговаривая съ ней, Корсаковъ вдругъ увидѣлъ на ея пальцѣ обручальное кольцо. Лицо его поблѣднѣло и омрачилось. Чуткая Ирина сразу замѣтила въ немъ перемѣну и съ безпокойствомъ спросила:

—Что съ вами, Павликъ?! Вы себя почувствовали плохо?!

Поглощенный своею мыслью, Павликъ, не отвѣчая Иринѣ, съ дрожью въ голосѣ, самъ спросилъ:

—Ирина!— нѣтъ, я не имѣю права васъ такъ называть. —Ирина Владиміровна, скажите мнѣ, вы замужемъ? Я вижу на вашемъ пальцѣ обручальное кольцо?!

Ирина опустила голову и, вздохнувъ, тихо отвѣтила:

—Да, Павелъ Николаевичъ, я замужемъ. Мужъ мой — полковникъ генеральнаго штаба Николай Александровичъ Корецкій. Но онъ, въ Петербургѣ, а я, какъ видите, здѣсь. Здѣсь мнѣ легче и въ этой работѣ въ госпиталѣ я нахожу удовлетвореніе,— съ замѣтнымъ усиленіемъ добавила она.

Грустное выраженіе лица Ирины и интонація ея голоса, когда она отвѣчала, показали Павлику, что Ирина что-то не договариваетъ и что, повидимому, жизнь ея сложилась неудачно. Корсаковъ почувствовалъ къ ней глубокое состраданіе, но въ то же время въ его душѣ зародилась и какая-то безсознательная, слабая надежда.

Узнавъ, что Ирина несвободна, Павликъ пробовалъ побороть свое чувство, но скоро увидѣлъ, что это ему не по силамъ. Ирину, видимо, тоже влекло къ Корсакову пробудившееся, сильное чувство.

Такъ шли дни, полные для нихъ и радости и муки одновременно. Тѣмъ временемъ рана Павлика, хотя еще и не зажила, но уже позволяла ему понемногу ходить по комнатѣ.

Настали первые дни марта 1917 года. Занятый своимъ чувствомъ къ Иринѣ, Корсаковъ мало прислушивался къ тому, что говорилось кругомъ него. Однажды, отдыхая послѣ обѣда на своей койкѣ, онъ вдругъ услышалъ ревъ на улицѣ тысячной толпы и звуки духового оркестра. Распахнувъ окно, онъ выглянулъ изъ него.

По улицѣ двигалась большая толпа народу съ красными флагами впереди. Тамъ и сямъ видны были плакаты съ разжигающими лозунгами и портретами какихъ-то каторжанъ. Толпа съ возбужденными, озвѣрѣвшими лицами, громко орала и нестройно пѣла ре-

волюціонныя пѣсни. Оркестръ игралъ попеременно Интернаціональ и Марсельезу.

Корсаковъ отшатнулся отъ окна и съ отвращеніемъ захопнулъ его...

Въ эту минуту дверь палаты распахнулась и въ нее стремительно ворвался какой-то лохматый, въ разстегнутой, расхлябанной шинели фельдшеръ съ ярко выраженными семитскими чертами лица съ громаднымъ краснымъ бантомъ на груди. Онъ возбужденно, визгливо кричалъ:

—Товарищи!! Свобода!! Царь отрекся и побѣдила революція!!

Дрожащими руками укладывалъ Корсаковъ свой чемоданъ и, прійдя къ Начальнику Госпиталя, заявилъ, что выписывается изъ лазарета и возвращается въ полкъ.

—Что вы, батенька?! Какой тамъ полкъ?! Да вамъ еще по крайней мѣрѣ два мѣсяца нужно, чтобы поправиться!

Но Корсаковъ настоялъ на своемъ: ни минуты не могъ онъ больше здѣсь оставаться. Скорѣе въ полкъ, къ товарищамъ, къ родному эскадрону!!

Съ тяжелымъ сердцемъ простившись с Ириной, онъ въ тотъ же день выѣхалъ въ полкъ.

III

По мѣрѣ того, какъ Корсаковъ приближался къ мѣсту расположенія своего полка, волненіе его все возрастало. Подобно тому, какъ пылкій любовникъ считаетъ уже минуты, остающіяся до свиданія съ любимой женщиной, такъ и Павликъ Корсаковъ въ нетерпѣніи своемъ считалъ уже станціи, отдѣляющія его отъ любимого полка!

Наконецъ повозка, въ которую пересѣлъ, послѣ желѣзной дороги Корсаковъ, свернула на проселочную дорогу и стала приближаться къ деревнѣ, въ которой по свѣдѣніямъ долженъ былъ находиться полкъ. Вотъ показались и первыя коновязи съ сѣрыми лошадьми и стоящимъ передъ ними толстымъ, солиднымъ вахмистромъ 1-го эскадрона Щербаковымъ!! Какъ самого близ-

каго члена семьи встрѣтилъ Павлика Корсакова полкъ! Переходя изъ объятій въ объятія, онъ едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы и самъ спрашивалъ, спрашивалъ безъ конца! Гусары его эскадрона тоже обрадовались возвращенію своего командира и показывали ему самые трогательные знаки привязанности. Зараза революціи, уже разложившая тылъ, еще не успѣла оказать своего тлетворнаго дѣйствія на строевыя части на фронтѣ и послѣ всего видѣннаго въ Одессѣ, Корсаковъ отдыхалъ душою въ родномъ полку.

Но постепенно зловредный микробъ разложенія, питаемый преступнымъ приказомъ № 1, дѣлалъ свое каиново дѣло. Случаи неисполненія приказаній, общая распущенность, внѣшнее разгильдяйство — расхлябанныя шинели безъ погонъ и красныя тряпки — стали нерѣдкимъ явленіемъ даже и у недавно подтянутыхъ и щеголеватыхъ гусаръ.

Неизбѣжное совершилось: лишившись Державнаго Вождя — своего Богомъ помазаннаго Государя Императора — Армія перестала существовать!!

Послѣ прихода къ власти большевиковъ, часть офицеровъ гусарскаго полка рѣшила пробираться небольшими группами на Югъ, гдѣ по секретнымъ информаціямъ создавался офицерскій Центръ Сопротивленія большевикамъ и гдѣ, по слухамъ, находились бѣжавшіе изъ Быховской тюрьмы генералы.

Однимъ изъ первыхъ пробрался, переодѣтый, на Донъ Павликъ Корсаковъ. Въ Новочеркасскѣ онъ засталъ настоящій военный лагерь: со всѣхъ сторонъ прибывали офицеры, юнкера, кадеты, добровольцы... Тутъ же ихъ, по мѣрѣ возможности обмундировывали, снаряжали и распредѣляли по формирующимся добровольческимъ полкамъ. Вновь пахло на Корсакова бодрымъ духомъ стойкой, дисциплинированной арміи. Одно лишь удручало его, что тѣхъ святыхъ словъ, которыя онъ ожидалъ здѣсь услышать и которыя придали бы смыслъ и законность этому новому "Крестовому Походу": "За Вѣру, Царя и Отечество" — онъ здѣсь не услышалъ. И офицеры, остававшіеся подобно Корсакову, вѣрны своимъ идеаламъ и разъ данной Государю-Императору присягѣ, должны были до поры — до вре-

мени, сохранить эти Святыя Слова въ глубинѣ своего сердца.

Съ Бѣлой Арміей Корсаковъ прошелъ всѣ этапы ея героической борьбы, — съ нею онъ встрѣтилъ и ея трагическій эпилогъ.

Переживъ крушеніе Арміи генерала Врангеля, разставался съ болью въ сердцѣ полковникъ Корсаковъ (онъ былъ уже полковникомъ) съ послѣднимъ клочкомъ родной земли, на которомъ еще вчера развѣвался русскій трехъ-цвѣтный флагъ. Погрузившись 1-го ноября 1920 года на пароходъ, онъ долго не покидалъ палубу и не отрывая отъ глазъ бинокля, смотрѣлъ на исчезающіе берега Крыма. Вотъ они еще чуть видны... Еще нѣсколько минутъ и послѣдняя скала окончательно скрылась изъ виду и кругомъ, куда только глазъ хватаетъ, видны лишь одни темныя, мутныя волны Чернаго моря... Увидитъ ли онъ еще когда-нибудь Россію?!

Галлиполи, — Югославія, — Парижъ, — Берлинъ — вотъ вѣхи того пути, который среди тысячъ другихъ русскихъ офицеровъ, продѣлалъ и Павликъ Корсаковъ.

Съ опустошенною душою, разбитыми иллюзіями и подорваннымъ здоровьемъ (тяжелое раненіе все еще давало себя чувствовать), онъ эти горькіе годы изгнанія жилъ лишь по инерціи. Личная жизнь его какъ-то не удалась: — то ли не встрѣтился желанный идеалъ, то ли не уходила изъ памяти и сердца Ирина. Единственною его радостью были встрѣчи съ однополчанами среди которыхъ онъ оживалъ и вновь становился прежнимъ "Павликомъ", котораго всѣ такъ любили.

Германо-Совѣтская война въ 1941 году всколыхнула Корсакова и подняла его духъ. Взявъ въ свои (уже 50-лѣтія!) руки винтовку, онъ сталъ въ ряды доблестнаго Русскаго Корпуса.

Слѣпая, самоубійственная политика Хитлера, сваливъ въ пропасть самый 3-ій Райхъ, привела къ крушенію и всѣ надежды русскихъ патріотовъ.

Познавъ бездушный режимъ лагерей, пройдя бессмысленно-унизительныя формальности всевозможныхъ комиссій и заполнивъ безконечное число всякихъ, никому ненужныхъ, анкетъ, Корсаковъ съ навѣшеннымъ ярлыкомъ "де-пи", получилъ, наконецъ, право на отъ-

ѣздъ въ одну изъ за-океанскихъ странъ, чтобы в 54 года начать снова (въ который уже разъ!) свою трудовую жизнь.

Въ одинъ сѣрый осенній день большой океанскій пароходъ, давъ продолжительнымъ гудкомъ знать о своемъ приходѣ, вошелъ въ портъ крупного южно-американскаго города и пришвартовавшись своимъ бортомъ къ молу, спустилъ сходни. Послѣ длинныхъ формальностей толпа измученныхъ переѣздомъ, озабоченныхъ неизвѣстностью переселенцевъ разныхъ національностей начала сходить на берегъ.

Среди прибывшихъ былъ Корсаковъ. На немъ былъ дешевый, сѣренькій "Ировский" костюмъ и непромокаемый плащъ, а весь его багажъ состоялъ изъ тощаго чемодана, заключавшаго все его скромное имущество.

Одинъ въ чужой странѣ!

Растерявъ въ захватившемъ его вихрѣ войны всѣхъ своихъ друзей, Корсаковъ въ этомъ незнакомомъ ему городѣ не имѣлъ ни одного близкаго человѣка, съ кѣмъ бы онъ могъ посоветоваться. Сегодня онъ еще имѣетъ крышу и скромный паекъ въ эмигрантскомъ домѣ, въ которомъ ему было обезпечено нѣсколько ночлеговъ, а дальше?! — Дальше во всей своей суровости вставалъ вопросъ о завтрашнемъ днѣ!!

Слѣдующій день былъ воскресный. Узнавъ изъ разговоровъ случайныхъ спутниковъ — русскихъ — о существованіи въ городѣ русской православной церкви, Корсаковъ направился туда. Уже подходя къ большому особняку, въ которомъ помѣщалась церковь, онъ услышалъ громкую русскую рѣчь толпы заполняющихъ садъ передъ церковью людей. Пробираясь черезъ толпу, онъ слышалъ за своей спиной радостный крикъ: "Павликъ! Корсаковъ!" и кто-то заключилъ его въ свои объятія. Это былъ однополчанинъ Павлика — ротмистръ Бѣлявскій, котораго онъ потерялъ изъ виду съ самаго окончанія Великой войны. Пріѣхавъ годъ назадъ въ этотъ городъ, Бѣлявскій успѣлъ себѣ найти работу и квартиру. Послѣ первыхъ радостныхъ минутъ встрѣчи, Бѣлявскій предложилъ Корсакову поселиться у него и обѣщалъ помочь устроиться на работу. Въ тотъ же день,

забравъ свой скромный багажъ, Корсаковъ перебрался къ своему другу.

Такъ началось для Павлика новая жизнь въ чужомъ, большомъ городѣ. Съ помощью Бѣлявскаго онъ, дѣйствительно, вскорѣ устроился ночнымъ сторожемъ на ту же фабрику, на которой послѣдній работалъ.

Тяжелая трудовая жизнь не засосала Корсакова и не превратила его въ "обывателя". Попрежнему онъ жилъ лишь мыслію о Россіи и все свое свободное время отдавалъ работѣ въ военной организаціи, въ которой состоялъ. Въ воскресные дни, если не бывалъ занятъ по службѣ, онъ посѣщалъ церковь, въ молитвѣ находя нравственное удовлетвореніе и успокоеніе.

Однажды, когда на душѣ его было особенно смутно и тоскливо, стоялъ онъ на своемъ обычномъ мѣстѣ въ церкви, погрузившись въ молитву. Молящихся, по случаю плохой погоды, было въ храмѣ мало. Подходя къ кресту, онъ замѣтилъ въ углу церкви колѣнопреклоненную фигуру женщины, которая горячо молилась. Когда, выходя изъ церкви, онъ проходилъ мимо, молившаяся дама поднялась съ колѣнъ и онъ увидѣлъ ея лицо. Сомнѣній не могло быть: —передъ нимъ была Ирина! Долгіе годы пощадили Ирину и она выглядѣла почти молодо, лишь скорбная складка у рта и грустный взглядъ говорили, что жизнь ея была не легка.

—Ирина! Ирина Владиміровна!— радостно бросился къ ней Корсаковъ.

Ирина вздрогнула и обернулась къ нему. Лицо ея сразу преобразилось отъ освѣтившей его радостной улыбки. Ея лучистые глаза блеснули прежнимъ, такъ чаровавшимъ Корсакова когда-то, мягкимъ свѣтомъ. Протягивая Павлику обѣ руки, она тихо проговорила:

—Вы?! Боже, какъ я рада васъ видѣть!!

Отъ переполнявшаго ихъ радостнаго чувства оба не знали съ чего начать и не выпуская своихъ рукъ, только растроганно смотрѣли другъ на друга.

Первая пришла въ себя Ирина. Она отняла, наконецъ, свои руки и тихо, радостно засмѣялась.

—Боже мой! Мы привлекаемъ общее вниманіе. Пойремте и сядемъ въ саду на скамейку.

Послѣ первыхъ несвязныхъ, отрывочныхъ вопро-

совъ, когда выяснилось, что они почти одновременно прибыли въ этотъ городъ, гдѣ имъ обоимъ сразу же пришлось бороться за свое существованіе (Ирина брала на домъ работу по вышиванію), Павликъ, наконецъ, рѣшился задать тотъ вопросъ, который его больше всего занималъ, и отъ котораго, быть можетъ, зависѣла вся его дальнѣйшая жизнь:

—Скажите, Ирина Владиміровна, — съ дрожью въ голосѣ спросилъ онъ, —Вашъ мужъ тоже здѣсь?

Ирина слегка покраснѣла и лицо ея стало печально.

—Нѣтъ, — немного запнувшись, отвѣтила она. —Мы съ моимъ мужемъ разстались. Мы съ нимъ совершенно разные люди и перестали понимать другъ друга: то, что мнѣ дорого и свято, вызываетъ его насмѣшки и пренебреженіе. То, что онъ любитъ — я не выношу. И вотъ — онъ остался въ Европѣ, а я пріѣхала сюда.

Она знамолчала и нервно улыбнулась. Павлику стало неловко за свой вопросъ и онъ смущенно извинился.

—Не извиняйтесь, — сказала Ирина, —я нисколько не сержусь за вашъ вопросъ. Онъ былъ такъ естественъ. Но не будемъ больше говорить объ моемъ мужѣ.

Корсаков проводилъ Ирину домой и, прощаясь, она пригласила его навѣщать ее. Съ этого дня онъ уже не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ и отдыхалъ душою въ ея обществѣ.

Шли мѣсяцы со дня ихъ встрѣчи и видѣть Ирину стало уже для Павлика насущною необходимостью. Ирина тоже начинала нервничать, если Корсаковъ, задержанный службой, не могъ придти въ обычное время. Корсаковъ давалъ себѣ ясно отчетъ, что его чувство къ Иринѣ, заглушенное было продолжительною разлукою, вновь вспыхнуло въ немъ съ еще болѣею силою, и мысль о томъ, что она несвободна, убивала его. Ирина замѣчала его муки и сама страдала отъ мысли, что прошла мимо такого сильнаго чувства и связала свою судьбу съ человѣкомъ, бывшимъ ей безконечно болѣе чужимъ.

Однажды, прійдя къ Иринѣ, Корсаковъ засталъ ее въ сильномъ волненіи. Глаза ея лихорадочно горѣли и руки замѣтно дрожали. Поздоровавшись, она молча протянула ему письмо и вырѣзку изъ Мюнхенской рус-

ской газеты, въ которой было сообщено о скоропостижной смерти полковника генеральнаго штаба Николая Александровича Корецкаго. Письмо было отъ сослуживца послѣдняго, извѣщавшаго Ирину о смерти мужа.

Выразивъ Ирину соболѣзнованіе, Корсаковъ ушелъ въ этотъ день раньше обыкновеннаго.

Въ слѣдующее воскресенье онъ встрѣтилъ Ирину въ церкви. На ней былъ глубокой трауръ, но лицо ея было спокойно и она привѣтливо улыбнулась, здороваясь съ Корсаковымъ. Павликъ по обыкновенію проводилъ Ирину домой, но какъ бы условившись, они не говорили о смерти Корецкаго.

Но когда Корсаковъ, выждавъ нѣкоторое время, зашелъ къ Ирину, она сама заговорила о мужѣ и рассказала о своемъ съ нимъ знакомствѣ и неудачномъ замужествѣ:

—Однажды, въ домѣ моихъ родственниковъ — Воротынскихъ, которые съ началомъ войны тоже перѣехали въ Петербургъ, мнѣ былъ представленъ молодой, блестящій подполковникъ генеральнаго штаба, занимавшій какое-то мѣсто въ Петербургѣ. Очень свѣтскій, неглупый, начитанный и интересный собесѣдникъ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе и я съ удовольствіемъ слушала его, дѣйствительно интересные, рассказы. Онъ много путешествовалъ, много видалъ и умѣлъ заинтересовывать слушателей. Словомъ, у него было все, что бы понравиться молодой дѣвушкѣ. Повидимому я тоже произвела на него нѣкоторое впечатлѣніе. Онъ началъ искать случая встрѣтиться со мною въ обществѣ и, наконецъ, попросилъ у моей матери разрѣшеніе бывать въ домѣ. Черезъ полъ-года Корецкій сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Мои родители нашли партію подходящей — и я вышла замужъ. Но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нашей совмѣстной жизни, я поняла, что обманулась въ своемъ чувствѣ къ Корецкому и что то, что я принимала за любовь, было просто увлеченіе молодой барышни безусловно интереснымъ человѣкомъ. Вскорѣ началось наше взаимное охлажденіе, переходящее часто въ ссоры, и нашъ семейный разладъ все углублялся. Мужъ началъ мною пренебрегать и проводилъ иногда цѣлыя ночи гдѣ-то внѣ дома. Я не дѣлала ему сценъ и

только замкнулась въ себѣ. Наконецъ, послѣ одного слишкомъ ужъ открытаго флирта мужа съ какой-то замужнею дамою, я рѣшила оставить его и переѣхала къ матери. Окончивъ курсы сестеръ милосердія, я начала работать въ одномъ изъ Петербургскихъ госпиталей, найдя въ этой работѣ забвеніе отъ своей неудавшейся жизни. Мужъ же мой уѣхалъ на фронтъ.

Закончивъ свой рассказъ, Ирина замолкла. Потомъ, немного помолчавъ, добавила:

—Война, въ которой и я приняла свою долю участія, уже не выпускала меня больше изъ своей орбиты и какъ мелкую песчинку бросала съ мѣста на мѣсто. И вотъ, оторванная отъ всѣхъ близкихъ, я здѣсь одна въ этомъ большомъ, чужомъ городѣ.

Корсаковъ съ глубокою жалостью, не прерывая, слушалъ Ирину и душа его все сильнѣе тянулась къ ней. Оба они почти не имѣвъ личной жизни, докатились до ея склона, усталые и разочарованные...

Въ душѣ Павлика невольно поднялся сильный протестъ противъ несправедливости судьбы:

Развѣ не имѣетъ онъ право, хоть въ эти послѣдніе дни своей жизни на самое маленькое, мѣщанское счастье?! И развѣ не могла бы ему дать это счастье Ирина?! Но имѣетъ ли онъ сейчасъ право войти въ ея жизнь?! Что сможетъ онъ ей предоставить?! Быть женою фабричнаго ночного сторожа?! Соединить свою жизнь съ 55-лѣтнимъ старикомъ?! Даже здоровія — и того нѣту. Тяжелое раненіе оставило свои неизлѣчимыя послѣдствія. И готовые было слова признанія остановились на его губахъ.

Чуткая Ирина какъ-будто прочла его мысли и ласково улыбнувшись ему сказала:

—И вотъ мы съ вами остались два бобыля, — никому не нужные, никому не интересные! --- Но вы не можете себѣ представить, — съ живостью добавила она, —какъ я рада, что васъ здѣсь встрѣтила! Вѣдь мы страшно, страшно старые друзья! Съ вами мнѣ легче и вы должны мнѣ общать часто, какъ только можете, приходите ко мнѣ. Вы мнѣ такъ нужны!

Лучомъ надежды блеснуло передъ Павликомъ отъ этихъ словъ. Онъ взялъ маленькую ручку Ирины, съ

чувствомъ ее поцѣловаль и глядя на Ирину растроганно спросилъ:

—Это правда? Я вамъ не чужой? О, какъ бы я хотѣлъ никогда съ вами не разставаться, видѣть васъ всегда возлѣ себя!

Съ нахлынувшей, вдругъ, на него рѣшимостью, онъ воскликнулъ:

—Ирина Владиміровна! Я не молодъ. Я ничего не могу вамъ дать, кромѣ безпредѣльной любви и преданности. Если васъ не пугаетъ, не отталкиваетъ мое предложеніе, будьте моей женой! Дайте мнѣ хоть въ эти послѣдніе дни моей жизни то счастье, о которомъ я такъ долго мечталъ!!

Ирина протянула ему свою руку и, глядя ему въ глаза, сказала:

—Дорогой Павелъ Николаевичъ! Ваше предложеніе и не напугало и не оттолкнуло меня, а, наоборотъ, я его съ радостью и признательностью принимаю, такъ какъ вѣрю, что только съ вами я буду счастлива. Пройдемъ же вмѣстѣ оставшійся намъ жизненный путь!!

Въ одно изъ воскресеній прихожане русской церкви могли наблюдать скромную церемонію брачнаго обряда, совершаемаго надъ нашими "молодыми".

Полные своимъ, — такъ поздно къ нимъ приходившимъ, — счастьемъ, скромно жили Ирина и Павликъ, души не чая другъ в другѣ. Два однополчанина и нѣсколько друзей — составляли все ихъ небольшое общество.

Прошло два года. Заботливо присматриваясь къ мужу, Ирина съ тревогой начала замѣчать, что его здоровье начинало сдавать и замѣтно расшатывалось. Хоть он и бодрился и старался скрывать отъ Ирины свое недомоганіе, но она видѣла, какъ онъ на ея глазахъ прямо таялъ. Скоро онъ начал жаловаться на сильныя головные боли — послѣдствіе стараго раненія.

Наконецъ онъ слегъ. Ирина не отходила отъ его кровати, ухаживая за нимъ какъ за ребенкомъ. Съ глубокой любовью и грустью смотрѣлъ на нее Павликъ и слабымъ голосомъ просилъ не переутомляться, говоря что ему уже лучше, и что онъ скоро встанетъ. Но Ирина

видѣла, что ему съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже.

Однажды, проснувшись рано утромъ, Корсаковъ почувствовалъ совершенно ясно, что умираетъ. Когда Ирина, не сомкнувшая ночью глазъ, подошла къ нему, онъ уже не могъ отъ слабости говорить и только съ тоскою смотрѣлъ на нее. Пришедшій врачъ попробовалъ пульсъ больного, покачалъ безнадежно-головой и тихо шепнулъ находящемуся въ комнатѣ другу Корсакова, что больной не проживетъ и до слѣдующаго дня.

К вечеру Корсакова не стало.

НОЧНОЙ ШТЫКОВОЙ БОИ 10-го ГУСАРСКАГО ИНГЕРМАНЛАНДСКАГО ПОЛКА

31 мая 1915 года въ Хотинскомъ лѣсу.

О ч е р к ъ .

Въ концѣ мая 1915 года, ободренные успѣхомъ въ Галиціи германской арміи фельдмаршала Макензена, австрійцы значительными силами перешли въ наступленіе изъ Буковины, съ цѣлью захвата Бессарабіи. Въ связи съ этимъ наступленіемъ у администраціи Бессарабской губерніи и прифронтоваго города Хотина царило крайне тревожное настроеніе и городъ спѣшно готовился къ эвакуаціи. Рспоряженіемъ Штаба Юго-западнаго фронта къ Хотину былъ срочно переброшенъ конный корпусъ генерала графа Келлера, въ который въ то время входили 10-ая Кавалерійская и 1-ая Донская казачья дивизіи.

Прибывъ въ Хотинъ, графъ Келлеръ расположилъ корпусъ въ районѣ города, занявъ бригадой 10-ой Кавалерійской дивизіи (два полка) съ одной батареей западную окраину лѣса, лежащаго на подступахъ къ Хотину. Полки окопались въ 100 шагахъ передъ опушкой лѣса, а батарея заняла за лѣсомъ позицію. Черезъ день бригада 10-ой Кавалерійской дивизіи была смѣнена въ окопахъ двумя полками Донцовъ.

31 мая 1915 года, поздно вечеромъ, въ Штабъ

Корпуса въ Хотинъ поступило тревожное донесеніе командира стоящей на позиціи батареи, доносящего, что у Донцовъ, повидимому, что-то неблагополучно и они, оставивъ окопы, спѣшно отходятъ въ лѣсъ къ своимъ коноводамъ. Отъ Донцовъ же никакихъ донесеній не поступало. Командиръ корпуса — графъ Келлеръ — вызвалъ командира находящагося въ резервѣ корпуса 10-го гусарскаго Ингерманландскаго полка — полковника Чеславскаго (Георгіевскій Кавалеръ Японской войны) и приказалъ ему, во что бы то ни стало, возстановить с полкомъ положеніе на участкѣ Донцов. Штабамъ же и обозамъ было приказано быть готовыми къ выступленію.

Полковникъ Чеславскій, поднявъ по тревогѣ полкъ, приказалъ своему помощнику — Подполковнику Пальшау — вести полкъ къ оставленной позиціи, самъ-же не дожидаясь сбора полка, поѣхалъ съ адъютантомъ и ординарцами впередъ. Разыскавъ батарею, онъ засталъ ее въ большой тревогѣ, взятой на передки и уже готовой къ отходу. По словамъ командира батареи, впереди него уже не было нашихъ частей и батарея охранялась лишь высланными впередъ батарейными развѣдчиками. Темнота ночи, густой лѣсъ и начавшійся дождь не позволяли ничего видѣть впереди себя, но чувствовалось, что австрійцы, заставившіе отойти Донцовъ, были уже гдѣ-то въ непосредственной близости. Раздумывать долго не приходилось — нужно было немедленно принимать какое-нибудь рѣшеніе!

Оставивъ одинъ эскадронъ въ конномъ строю для прикрытія батареи, Штандарта и коноводовъ, полковникъ Чеславскій спѣшилъ остальные 5 эскадроновъ (что дало около 350 стрѣлковъ) и взявъ винтовку самъ и приказавъ взять винтовки и всѣмъ офицерамъ, рассыпалъ 3 эскадрона въ одну шернгу, а 2 эскадрона поставилъ сомкнуто въ 50 шагахъ сзади. Поставивъ подп. Пальшау передъ серединой среднего эскадрона и давъ ему направленіе движенія по дорожкѣ, ведущей къ брошеннымъ окопамъ, полк. Чеславскій приказалъ гусарамъ двигаться впередъ, держась локоть-къ-локтю, чтобы не разорваться въ ночной темнотѣ, подполковнику же Пальшау (обладавшему исключительно зычнымъ голо-

сомъ) было приказано по сближенію съ противникомъ "заревѣть" во всю силу своего богатырскаго горла "ура" и броситься съ 3-мя эскадронами въ штыки. Два эскадрона 2-ой линіи должны были поддержать атаку. Когда гусары, медленно продвигаясь по лѣсу, подходили уже къ его опушкѣ, то были встрѣчены убійственнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ засѣвшихъ въ окопахъ австрійцевъ. Раздалось могучее "ура" подполковника Пальшау, подхваченное гусарами, и гусары, со своими офицерами впереди, дружно бросились въ штыки. Ошеломленные этимъ громовымъ "ура", особенно грозно отдававшимся въ лѣсу, австрійцы въ паникѣ бросились назадъ, падая подъ ударами штыковъ гусаръ. Гусары гнали австрійцевъ далеко за лѣсъ, покамѣстъ полковн. Чеславскій, боясь потерять въ темнотѣ управленіе, не приказалъ трубить "стой" и "по переднему уступу". Давъ нѣсколько залповъ по отходящимъ австрійцамъ, гусары заняли оставленные ими окопы и начали подбирать своихъ убитыхъ и раненыхъ и вылавливать въ лѣсу метавшихся, ошалѣвшихъ австрійцевъ. Атакой гусаръ положеніе на фронтѣ было полностью восстановлено, но полкъ понесъ очень тяжелыя потери ранеными и убитыми. Среди послѣднихъ былъ павшій смертью храбрыхъ доблестный командиръ 4-го эскадрона штабсъ-ротмистръ Дылевскій, а командиръ 5-го эскадрона — штабсъ-ротмистръ Какуринъ былъ смертельно раненъ. Плѣнные австрійцы показали, что на Хотинъ наступало три батальона австрійской пѣхоты (около 1.500 штыковъ), за которыми слѣдовал полкъ конницы, получившій задачу прорваться и взорвать мосты на Днѣстрѣ. Они ни за что не хотѣли вѣрить, что были встрѣчены контръ-атакой всего лишь 350 спѣшенныхъ кавалеристовъ!

На другое утро Ингерманландцы были смѣнены въ окопахъ 10-мъ уланскимъ Одесскимъ полкомъ и отошли въ Хотинъ. Когда полковн. Чеславскій, отправивъ полкъ отдыхать, подѣхалъ къ стоящему на улицѣ передъ штабомъ корпуса графу Келлеру, послѣдній обнялъ его и, указывая на него окружавшимъ его гражданскимъ лицамъ администраціи города, сказалъ:

— Вотъ, господа, тотъ полковникъ, которому мы

обязаны своимъ пребываніемъ здѣсь, а не на дорогѣ отступленія!“

На слѣдующій день конный корпусъ самъ перешелъ въ наступленіе и усиленный еще 9-ой Кавалерійской и еще одной Донской дивизіями, отбросилъ австрійцевъ назадъ въ Буковину, очистивъ отъ нихъ все пространство между рѣками Прутомъ и Днѣстромъ.

Успѣхъ боя 31-го мая долженъ быть всецѣло приписанъ непоколебимому духу и доблести офицеровъ и солдатъ гусарскаго полка, которые въ обстановкѣ исключительно для нихъ тяжелой, въ полной темнотѣ, не зная и не считая силъ находящагося передъ ними противника, встрѣченные его ураганнымъ огнемъ, не шархнулись, не растерялись, а не раздумывая, дружно ударили на него въ штыки.

Ингерманландскіе гусары и въ обстановкѣ непривычнаго для нихъ штыкового боя были вѣрны своимъ традиціямъ

ПАРА ВЯЗАНЫХЪ НАПУЛЬСНИКОВЪ

Р а з с к а з ъ

I

Гусарскому полку повезло: — ему выпала очередь отойти на Рождественскіе праздники въ резервъ корпуса и простоять нѣсколько дней въ тылу.

Это значило: —Цѣлая недѣля отдыха со всѣмъ доступнымъ на войнѣ "комфортомъ"!

Это значило: —Получить возможность помолиться въ Рождественскій Сочельникъ въ походной церкви, со-
оружаемой на стоянкѣ заботами полкового священника — О Василія!

Это значило: —Получить отъ близкихъ и родныхъ письма и посылки и, читая дорогія строчки, унести мыслями въ родной домъ!

Зима 1915 года выпала холодная и снѣжная и послѣ недѣльнаго сидѣнія въ засыпаемыхъ снѣгомъ окопахъ, бѣдныя хатки Галиційской деревушки показались гусарамъ "земнымъ раемъ"!

Размѣстивъ свой взводъ по квартирамъ и устроивъ "поуютнѣе" въ клунѣ свою чистокровную "Флору", корнетъ Владиміръ Николаевичъ Скуратовъ, весь обсыпанный пушистымъ снѣгомъ и разругавшись отъ сильнаго мороза, бодро вбѣжалъ въ просторную хату, отведенную офицерамъ 1-го эскадрона.

Хата была тепло натоплена, расторопные деньшики уже разставили въ ней офицерскія походныя койки и на печи весело закипалъ большой жестяной чайникъ, приглашая офицеровъ напиться горячаго чайку!

За столомъ, у окна сидѣлъ командиръ эскадрона — ротмистръ Мухановъ — и разбиралъ доставленную изъ штаба полка почту. Два другихъ молодыхъ офицера, уже успѣвъ получить свои письма, жадно впились въ нихъ глазами, мыслями находясь среди своихъ дорогихъ. Одинъ Скуратовъ, давно потерявшій родителей и не имѣвшій никого изъ близкихъ родственниковъ, остался въ этотъ великій праздникъ безъ письма.

— Да, господа! — сказалъ, обращаясь къ молодымъ офицерамъ ротмистръ Мухановъ, — изъ штаба полка передали, что въ числѣ полученныхъ для полка посылокъ, есть большой ящикъ съ Рождественскими подарками для офицеровъ отъ Х-скаго Института Благородныхъ Дѣвицъ. Послѣ обѣда, въ полковомъ собраніи будетъ раздача подарковъ.

— Отъ Х-скаго Института?! Какъ интересно! — радостно воскликнули молодые офицеры, пріятно удивленные этимъ сюрпризомъ.

Когда офицеры кончили обѣдать, съ большого обѣденнаго стола была убрана посуда и вѣстовые поставили на столъ довольно увѣсистый ящикъ, обшитый холстомъ. Когда на немъ вскрыли упаковку и подняли крышку, внутри оказалось нѣсколько рядовъ аккуратно уложенныхъ шелковыхъ мѣшочковъ, красиво перевязанныхъ цвѣтными ленточками и украшенныхъ вѣточками зеленой елки.

По общему желанію раздавать подарки былъ "уполномоченъ" благодушный, всѣми любимый О. Василій. Доставая одинъ за другимъ красивые мѣшочки, онъ съ доброй улыбкой вручалъ ихъ офицерамъ, отъ души радуясь общему оживленію. Весело смѣясь и обмѣни-

ваясь шутками, офицеры съ любопытствомъ стали разглядывать содержаніе мѣшочковъ.

Развязавъ свой, Скуратовъ, среди нѣсколькихъ плитокъ шоколаду, карамелекъ, мыла, зубной пасты, иголокъ, карандашей и прочей мелочи, обнаружилъ пару шерстяныхъ напульсниковъ, на которыхъ чьей-то, видно не очень искусной, рукой были по свѣтлозеленому полю вышиты крестиками какіе-то фантастическіе красные пѣтушки.

Скуратова почему-то особенно тронули именно эти наивные, смѣшные пѣтушки: —Вышивала ихъ своими нѣжными ручками, вѣроятно, какая-нибудь милая русская дѣвушка! И думала она, быть можетъ, въ это время о томъ, ей неизвѣстномъ русскомъ офицерѣ, который дѣлая грѣхъ-то тамъ — далеко — свое трудное, опасное дѣло, будетъ обрадованъ, получивъ неожиданный подарокъ! Кто была она — эта неизвѣстная "добрая фея"?! Чѣмъ она жила и чѣмъ дышала?!

Инициалы, выведенные чернилами на сръзанномъ концѣ одного изъ карандашей, позволяли узнать, что милую незнакомку звали: Муся К.

Дорогая Муся! Если бы знала ты, какую теплоту внесла ты своими трогательными напульсниками, то, вѣроятно, не пожалѣла бы о потраченномъ на нихъ времени!

На имя Начальницы Института было послано коллективное письмо, въ которомъ офицеры благодарили институтокъ за ихъ любезность и вниманіе.

Но Скуратова не удовлетворяло это официальное письмо: ему непременно хотѣлось самой Мусѣ сказать, какъ согрѣла она своими напульсниками не только его руки, но и сердце и какъ признателенъ онъ той, которая въ этотъ Великій Праздникъ своимъ милымъ подаркомъ дала ему иллюзію чего-то родного, домашняго...

Подъ впечатлѣніемъ этого настроенія, онъ написалъ Мусѣ письмо, со смутною надеждою, что оно дойдетъ по назначенію, хотя онъ и не зналъ ея полного имени.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Дивизія, въ которую входилъ Гусарскій полкъ, вела горячіе бои и ее часто перебрасывали съ мѣста на мѣсто. Наконецъ наступило

нѣкоторое затишье, которое позволило дать передохнуть измотаннымъ боями и переходами полкамъ и подтянуть къ нимъ обозы съ хозяйственною частью. Съ обозомъ подоспѣла и всѣми съ нетерпѣніемъ ожидаемая почта.

Когда Скуратовъ зашелъ по дѣламъ службы въ штабъ полка, адъютантъ передалъ ему для эскадрона пачку писемъ, среди которыхъ былъ и небольшой, продолговатый голубой конвертъ, адресованный лично ему. Нетерпѣливо вскрывъ конвертъ, онъ бросилъ быстрый взглядъ на подпись: — Письмо было отъ Муси!

Сообщая Скуратову о полученіи его письма, Муся предложила ему переписываться и тутъ-же, съ дѣтскою непосредственностью, поспѣшила изложить свою "автобіографію": — она была единственною дочерью Х-скаго помѣщика, училась въ 6-мъ классѣ Института, лѣто проводила въ имѣніи отца, больше всего въ жизни "обожала" музыку и пѣніе и даже серьезно брала уроки пѣнія, т. к. у нея находили голосъ. Мечтою ея было по окончаніи Института поступить на сцену!...

Въ отвѣтномъ письмѣ, дѣлясь съ Мусей своими мыслями и впечатлѣніями, Скуратовъ съ глубокой любовью писалъ про свой полкъ, замѣнившій ему рано потерянную семью, рассказывалъ свои боевыя переживанія, восторженно описывалъ пріѣздъ на фронтъ Государя Императора, котораго онъ впервые видѣлъ такъ близко и чей обаятельный образъ оставилъ в его душѣ неизгладимый слѣдъ! Съ признательностью откликнувшись на предложеніе Муси переписываться, онъ съ грустью добавилъ, что у него нѣтъ ни матери, ни сестры, которые бы ему писали.

Послѣ полученія перваго письма отъ Муси, уже и Скуратовъ, вмѣстѣ съ другими, съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія очередной почты, надѣясь въ ней увидѣть знакомый голубой конвертъ со своимъ именемъ.

Такъ завязалось это заочное знакомство, и все больше и больше узнавая Мусю изъ ея писемъ, Скуратову казалось уже, что онъ и дѣйствительно давно съ ней знакомъ и она съ каждымъ письмомъ становилась ему все ближе. Но обстоятельства все какъ-то такъ складывались, что Скуратову такъ и не удалось никогда

увидѣть Мусю, когда онъ на короткое время прїѣзжалъ съ фронта.

Послѣ почти годовой переписки, она вдругъ, какъ-то сразу, оборвалась. Шелъ третій годъ войны. Наступили трагическіе для Россіи дни февраля-марта 1917 года, когда рухнула въ пропасть Великая Русская Имперія и возшелъ, предаваемый измѣнниками, на свою Голгофу благороднѣйшій Монархъ Европы — Императоръ Николай II!

Вовлеченный въ вихрь событій и Гражданской войны, Скуратовъ прошелъ съ Бѣлой Арміей весь ея тернистый путь и испилъ до конца чашу испытаній.

II

Начавъ свой тяжелый крестъ изгнанія сперва въ Галлиполи и Югославіи, Скуратовъ перебрался затѣмъ во Францію, гдѣ среди тысячъ другихъ русскихъ офицеровъ, сѣлъ за руль парижскаго ночного такси.

Душевно усталымъ, потерявъ вѣру въ "союзниковъ", прибылъ Скуратовъ въ этотъ современный "Вавилонъ", который въ упоеніи своей призрачной "побѣды", угарнымъ разгуломъ вознаграждалъ себя за лишенія тяжелой войны. И какими лишними, непрошенными пришельцами были въ немъ тѣ, чьими неисчислимыми кровавыми жертвами, совершилось "Чудо на Марнѣ"! Напрягая силы въ изнурительномъ трудѣ за фаоричнымъ сттанкомъ, разгружая на своей спинѣ изъ вагоновъ тяжелые тюки или развозя ночью въ такси по Монмартскимъ кабачкамъ разбогатѣвшихъ на военныхъ подрядахъ спекулянтовъ, — добывали свой горькій, порою унизительный кусокъ хлѣба офицеры Русской Императорской Арміи!

По какой-то странной случайности у Скуратова, растерявшаго во время послѣ-военныхъ мытарствъ все имущество, при прїѣздѣ въ Парижъ въ скудномъ багажѣ сохранились напульсники, которые связала ему, когда-то ,незнакомая русская дѣвушка. Въ холодныя зимнія Парижскія ночи, эти напульсники оказались полезнымъ дополненіемъ къ его скромному шоферскому гардеробу.

Въ одинъ ненастный ноябрьскій вечеръ, отвезя какого-то пассажира, Скуратовъ возвращался на своей машинѣ на стоянку такси. Когда онъ проѣзжалъ мимо "Palace Hotel"я, его окликнулъ швейцаръ, возлѣ котораго на подъѣздѣ ожидала элегантно одѣтая молодая дама. Усѣвшись въ автомобиль, она попросила отвезти ее въ театръ "Grand' Opéra".

Остановивъ машину передъ ярко освѣщеннымъ подъѣздомъ театра, Скуратовъ открылъ дверку автомобиля и держа руки на рулѣ, ждалъ покамѣстъ привезенная имъ дама доставала изъ сумочки деньги, чтобы съ нимъ расплатиться.

При вытянутомъ положеніи рукъ на рулѣ, рукава его кожаной шоферской куртки немного поднялись, открывъ уже знакомые намъ напульсники.

Протянувъ Скуратову деньги, дама нечаянно взглянула на его руки, на которыхъ, при яркомъ свѣтѣ электрическаго фонаря, ожили маленькіе красные пѣтушки.

Дама немного задержалась и нерѣшительно спросила:

— "Pardon M-eur, Vous etez russe?!"

— "Qui M-me, ye suis russe!"

— Пожалуйста извините меня за, быть можетъ, нескромный вопросъ,— спросила дама, переходя на русскій языкъ, —но не можете ли вы мнѣ сказать, откуда у васъ эти напульсники?!

— Это, сударыня, подарокъ со временъ войны,— отвѣтилъ Скуратовъ, удивленный этимъ страннымъ любопытствомъ пассажирки.

Послѣдняя видимо хотѣла еще что-то сказать, но взглянувъ на часы, заторопилась и обратившись къ Скуратову, поспѣшно сказала:

— Пожалуйста, если Вы можете, пріѣзжайте за мной и завтра въ "Palace Hotel" около 8 часовъ вечера. И указавъ № своей комнаты въ отелѣ, дама быстро скрылась въ боковомъ подъѣздѣ театра.

Проводивъ ее глазами, Скуратовъ подумалъ:

"Гдѣ это я уже видѣлъ это лицо?!"

Съ театральной афиши на него смотрѣлъ портретъ гастроллирующей въ этотъ день въ "Травіатѣ" молодой

пѣвицы Marie Dolsky, въ которой онъ и узналъ свою пассажирку.

Имя Маріи Дольской ему ничего не говорило, и не пытаясь больше найти разгадку, онъ тронулъ свою машину отъ театра.

На слѣдующій день Скуратовъ въ назначенный часъ подъѣхалъ къ "Palace Hotel" и попросилъ швейцара сообщить объ его пріѣздѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ нему спустилась кокетливо одѣтая горничная и попросила подняться наверхъ къ ея барынѣ.

Войдя в роскошно меблированный "appartement", занимаемый артисткой, Скуратовъ засталъ ее уже одѣтой къ выѣзду. Сѣвъ сама и попросивъ сѣсть и Скуратова, артистка, видимо немного смущаясь и волнуясь, начала:

— Васъ, вѣроятно, очень удивилъ вчера мой вопросъ? Ради Бога, не считите его за праздное любопытство, но если это не секретъ, скажите мнѣ, пожалуйста, откуда у васъ тѣ напульсники, которые я на васъ вчера видѣла? Я вамъ тогда объясню, почему меня это такъ интересуеть.

— Нѣтъ, сударыня, у меня нѣтъ никакихъ основаній дѣлать изъ этого секретъ,— отвѣтилъ, все еще недоумѣвая, Скуратовъ и рассказалъ артисткѣ всю трогательную исторію напульсниковъ.

Когда он кончилъ, его собесѣдница опять спросила:

— А какъ звали эту дѣвушку?

— Я знаю только ея уменьшительное имя — Муся, а по фамиліи Корсавина.

— Такъ вы, значитъ, штабсъ-ротмистръ Владиміръ Николаевичъ Скуратовъ?!— живо воскликнула артистка, — а я и есть Муся Корсавина, или сейчасъ, по сценѣ — Дольская!!

Растерявшись отъ неожиданности, Скуратовъ вскочилъ и не зналъ, что и сказать, такъ поразила его эта необыкновенная встрѣча!

— Господи, какъ малъ Міръ Божій!— задумчиво произнесла Дольская, перебирая бывшія у нея въ рукахъ перчатки.

— Сейчасъ я очень спѣшу, такъ какъ должна ѣхать

въ театрѣ,— сказалъ она ,вставая, —но я васъ очень прошу, когда у васъ будетъ время, зайти ко мнѣ, — лучше всего въ воскресенье днемъ, около 5 часовъ. Наша встрѣча такъ неожиданна и необычна, что мнѣ бы очень хотѣлось еще съ вами повидаться.

Когда Скуратовъ вышелъ, Дольская вслѣдъ за нимъ спустилась по лѣстницѣ и сѣла в ъожидавшую ее машину.

Въ ближайшее же воскресенье, послѣ 4-хъ часовъ дня, Скуратовъ одѣлъ свой единственный "выходной" сѣрый костюмъ и внимательно осмотрѣлъ себя въ зеркало. Костюмъ былъ уже далеко не новъ и кое-гдѣ потерялся, но безукоризненно сидѣлъ на его стройной, спортсменской фигурѣ.

"Ничего, подумалъ онъ, — костюмъ при вечернемъ освѣщеніи еще какъ-нибудь сойднтъ!" Больше его смущали руки — его огрубѣвшія отъ работы руки, — на которыхъ слѣды его профессіи: — вѣѣвшаяся грязь отъ машиннаго масла, — не поддавались никакому дѣйствию мыла. И все же, несмотря на болѣе чѣмъ скромный костюмъ, статная, изящная фигура Скуратова и его красивое, мужественное лицо заставляли не одну женщину на улицѣ оборачиваться и смотрѣть ему вслѣдъ. Среди же своихъ мелкихъ ростомъ, невзрачныхъ французскихъ "коллегъ", онъ выглядѣлъ прямо принцемъ!

Когда Скуратовъ, немного послѣ 5 часовъ вошелъ къ Дольской, она была одна и, видимо, поджидала его за сервированнымъ для чая столикомъ.

Усадивъ своего гостя противъ себя, она завязала съ нимъ непринужденный разговоръ, вспоминая Россію, свой Институтъ и ихъ оригинальную переписку. По началу немного стѣснявшійся, Скуратовъ быстро оправился отъ своего смущенія и принялъ живое участіе въ этихъ воспоминаніяхъ. И въ этомъ, для обоихъ интересномъ, интимномъ разговорѣ, какъ бы вновь вернулось то старое время, когда въ письмахъ дѣлились они своими мыслями и впечатлѣніями. Со словъ Дольской Скуратовъ узналъ, что она была замужемъ, но не была счастлива въ бракѣ и, разойдясь съ мужемъ, посвятила себя сценѣ, на которой и имѣла успѣхъ. Въ данное время она получила очень выгодный для нея ангажементъ

въ Оперѣ. Вызванный артисткой на откровенность, и Скуратовъ ей вкратцѣ свою "Одиссею".

Дома ,въ скромномъ домашнемъ платьѣ, Дольская показалаъ Скуратову еще женственнѣе, еще привлекательнѣе и онъ чувствовалъ себя необыкновенно хорошо въ обществѣ этой, во всѣхъ отношеніяхъ интересной, женщины. Отдаваясь этому пріятному впечатлѣнію, онъ и не замѣтилъ, какъ пролетѣло 1½ часа. Когда Скуратовъ поднялся, чтобы уходить, Дольская взяла съ него слово навѣщать ее запросто.

III

Прошло 2—3 мѣсяца со дня этого, необычнымъ образомъ возобновившагося знакомства. Встрѣчаясь за это время нѣсколько разъ съ Дольской, Скуратовъ уже былъ весь подъ обаяніемъ этой очаровательной женщины и талантливой артистки и его неудержимо влекло къ ней. Какъ-то всегда случалось, что когда приходилъ Скуратовъ, у нея не бывало никого. Дольская бывала всегда неизмѣнно привѣтлива къ Скуратову и видно было, что его посѣщенія доставляли ей искреннее удовольствіе.

Въ одно изъ воскресеній, весь въ радостномъ ожиданіи встрѣчи съ женщиной, которая ему такъ нравилась, Скуратовъ поднялся къ Дольской и постучалъ въ дверь. Когда горничная открывала ему, онъ услышалъ изъ двери нѣсколько мужских голосовъ, оживленно болтавшихъ по-французски и чему-то громко смѣявшихся. Смущенный присутствіемъ у Дольской большого, незнакомаго ему общества, Скуратовъ хотѣлъ-было повернуться и уйти ,но было уже поздно, такъ какъ горничная распахнула дверь и его уже увидали. Скуратову пришлось войти.

Въ салонѣ, кромѣ Дольской, находилась еще какая-то молодая, довольно эффектная дама и трое гладко прилизанныхъ, выхоленныхъ, утрированно-модно одѣтыхъ мужчинъ, которые небрежно развѣясь съ сигарами во рту въ мягкихъ креслахъ, развязно болтали съ обѣими дамами, видимо чувствуя себя здѣсь какъ у себя дома.

Увидѣвъ входящаго Скуратова, Дольская поднялась ему навстрѣчу, но замѣтно было, что она его сегодня не ожидала и даже была нѣсколько смущена его приходомъ. При входѣ Скуратова всѣ трое мужчинъ сразу замолчали и, какъ ему показалось, осмотрѣвъ его съ головы до ногъ, недоумѣвающе переглянулись между собою. Дольскую, видно, тоже стѣснялъ его приходъ, но чтобы замаять наступившую паузу, она дѣланно оживленно представила Скуратова своимъ гостямъ:

—*Meur Skuratoff!*— и, сдѣлавъ жестъ рукою въ сторону своихъ гостей, назвала нѣсколько именъ.

Отвѣтивъ небрежнымъ кивкомъ на вѣжливый поклонъ Скуратова, сидѣвшіе возобновили прерванный его приходомъ разговоръ, не обращая на него больше вниманія.

Поспѣшивъ сѣсть въ дальнемъ углу, Скуратовъ бросилъ украдкой бѣглый взглядъ на элегантные, — видно сшитые у хорошихъ портныхъ, — костюмы мужчинъ, на ихъ тщательно отдѣланныя парикмахеромъ прически и наманикюренные ногти и невольно перевелъ взглядъ на свой дешевенькій, потертый костюмъ и густо покраснѣлъ, вспомнивъ про свои несчастныя, рабочія руки! Сердце его болѣзненно сжалось и онъ сразу почувствовалъ себя такимъ чужимъ, такимъ лишнимъ въ этомъ шикарномъ салонѣ, среди этого беззаботнаго, повидимому вполне обеспеченнаго общества. Сама Дольская показалась ему въ этотъ день тоже чужой и далекой и его радостное настроеніе, съ которымъ онъ шелъ сюда, сразу упало и ему хотѣлось только поскорѣе уйти.

Просидѣвъ, насколько того требовало приличіе, Скуратовъ поднялся и стараясь прятать свои руки, извинился передъ хозяйкой и, сославшись на дѣла, началъ прощаться. Дольская какъ-будто и хотѣла его удержать и порывалась ему что-то сказать, но, посмотрѣвъ на своихъ гостей, промолчала и дверь за Скуратовымъ закрылась.

Не сторонясь и не замѣчая даже встрѣчавшихся ему прохожихъ, шелъ по улицѣ Скуратовъ и чувство жгучаго стыда покрывало краской его лицо.

"Идіотъ! жалкій глупецъ!" повторялъ онъ себѣ,

переживая остро минуты униженія передъ этими выложенными французами за свой потертый костюмъ, за свои рабочія руки. "Забылъ, что ты только шоферъ и захотѣлъ общества шикарной, избалованной артистки, которой, вѣроятно, было только стыдно передъ ея гостями за такое "шокирующее" знакомство!! Воображаю, какъ эти "хлюсты" надо мною потѣшаются!" подумалъ онъ про, ставшихъ ему сразу ненавистными, гостей Дольской.

Когда сердобольная хозяйка пансіончика, въ которомъ жилъ Скуратовъ, замѣтно равнодушная къ своему красивому жильцу, удивленная его раннимъ возвращеніемъ, участливо спросила, — не заболѣлъ ли онъ, — Скуратову стало еще тоскливѣе.

Войдя въ свою мансарду подъ самой крышей, и отказавшись отъ предложеннаго обѣда, онъ бросился на кровать и предался своимъ невеселымъ думамъ.

Самое ужасное во всемъ было то, что онъ чувствовалъ, что несмотря ни на что, онъ продолжаетъ безумно любить Дольскую и никогда не сможетъ выбросить ее изъ своего сердца. Чарующій образъ артистки и манилъ, и дразнилъ его и мучилъ сознаниемъ безнадежности его чувства, такъ какъ онъ понималъ, что она была прежде всего большая артистка, которой нужна была блестящая опора для ея таланта!

Проворочавшись безъ сна цѣлую ночь, Скуратовъ, наконецъ, рѣшилъ, что долженъ отсюда бѣжать и возможно скорѣе, покамѣстъ не надѣлалъ еще глупостей!

Бѣжать?! — Но куда?! Въ другой городъ? — но развѣ не зналъ онъ, что прибѣжить назадъ, какъ только ему станетъ не подъ силу не видѣть Дольской?! Нѣтъ, надо уйти такъ, чтобы окончательно отрѣзать себѣ всѣ пути возвращенія!

Въ Иностранный Легіонъ! Вотъ единственное рѣшеніе!

"Ну что-жъ, сдѣлаюсь "ландскнехтомъ"! Не все ли равно?! Съ винтовкой въ рукахъ и подъ пулями всѣ, по крайней мѣрѣ, равны! Убьютъ — не бѣда! Безъ Россіи, безъ Государя развѣ мнѣ жизнь дорога?!

Черезъ два дня Скуратовъ явился въ Бюро, гдѣ принималась запись въ Иностранный Легіонъ и заявилъ о

своемъ желаніи въ него поступить. Порвавъ съ прошлымъ, Скуратовъ вышелъ изъ Бюро легіонеромъ № 13450.

Черезъ нѣсколько дней все было готово къ его отправкѣ въ Индокитай, гдѣ находился полкъ, въ который онъ былъ зачисленъ.

Наканунѣ отъѣзда, позднею ночью, онъ писалъ:

Моя дорогая, родная Муся!

Простите, если я обижу Васъ этимъ, когда-то мнѣ дозволеннымъ обращеніемъ. Многое съ тѣхъ поръ измѣнилось и я знаю, что уже не имѣю права Васъ такъ называть, но я почему-то вѣрю, что Васъ не разсердятъ эти слова, которыя диктуетъ мнѣ мое сердце, когда я прощаюсь съ Вами навсегда. Завтра я покидаю Францію, чтобы никогда сюда не вернуться.

Что-же Вамъ сказать на прощаніе?

Условности въ жизни людей играютъ громадную роль и не въ нашихъ силахъ это измѣнить. Въ одинъ день мнѣ стало ясно, что пропасть между талантливой, избалованной успѣхомъ артисткой и скромнымъ шоферомъ ночного такси, черезчуръ велика, и чтобы въ нее не упасть, я рѣшилъ бѣжать. Какъ чуткая женщина, Вы поймете отчего.

Злой рокъ, отнявъ у меня все въ жизни — отнялъ и право на личное счастье.

Я отъ всего сердца благодарю Васъ за тѣ свѣтлыя минуты, которыя Вы мнѣ дарили. Вѣрю, что Вы относились ко мнѣ съ искренней симпатіей — вѣдь наша необычная встрѣча воскресила столько красивыхъ воспоминаній! Быть можетъ я эту симпатію переоцѣнилъ и она, безъ Вашей вины, разбудила во мнѣ надежды, которыя были несбыточны. Слава Богу, что я это во-время понялъ и вотъ почему я рѣшилъ уйти навсегда изъ Вашей жизни. Не бойтесь: — я не имѣю мысли покончить съ собою, — я вѣрующій человекъ. Уходя теперь въ Иностраннѣй Легіонъ, я какъ единственную память о Васъ, уношу съ собою напульсники, которые мнѣ дали радость знакомства съ Вами. Теперь они стали мнѣ еще дороже и я не разстанусь съ ними до самой смерти. Знайте, что если когда-нибудь Вамъ ихъ пришлютъ, это значитъ, что меня уже нѣтъ въ живыхъ.

Прощайте и вспоминайте, хоть мимоходомъ, того скромнаго, быть можетъ, немного смѣшнаго въ своемъ чувствѣ, "шофера такси", котораго Вы согрѣли случайнымъ вниманіемъ.

Преданный Вамъ Владиміръ Скуратовъ.

Получивъ письмо Скуратова, Дольской стало какъ-то тяжело на душѣ и чувство чего-то пропущеннаго и непоправимаго сжало ее сердце. Но она старалась заглушить въ себѣ эти неясные упреки, такъ какъ твердо помнила, что ея карьера, ея все растущій успѣхъ на сценѣ для нея выше всего и поэтому внушала себѣ, что виновата не она, а судьба, поставившая на ихъ пути непреодолимые препятствія.

Черезъ своихъ вліятельныхъ знакомыхъ Дольская попыталась узнать въ Штабѣ Иностраннаго Легіона что-либо о мѣстонахожденіи и судьбѣ Скуратова, но всѣ ея старанія были напрасны: никто не зналъ легіонера подъ этимъ именемъ. Скуратовъ исчезъ безслѣдно подъ своимъ безымяннымъ номеромъ.

Прошелъ годъ. Въ Парижскомъ оперномъ театрѣ шелъ бенефисъ уже извѣстной пѣвицы Marie Dolsky. Успѣхъ артистки въ оперѣ "Богема" превзошелъ всѣ ожиданія и публика долго восторженно вызывала бенефициантку, не выпуская ее со сцены. Послѣ окончанія спектакля, многочисленные поклонники и почитатели ея таланта собрались у Дольской, чтобы "вспрыснуть" ея триумфъ!

Когда опьяненная успѣхомъ и общимъ поклоненіемъ артистка вышла на минутку въ свою уборную, чтобы немного припудрить разгоряченное лицо, горничная, подавая ей туалетныя принадлежности, сказала:

—Тутъ безъ Васъ, Мадамъ, приходилъ какой-то человѣкъ и оставилъ для васъ пакетъ.

Разсѣянно принявъ отъ горничной завернутый въ бумагу свертокъ, Дольская развернула его.

Изъ свертка къ ея ногамъ упалъ вязаный шерстяной напульсникъ со смѣшными красными пѣтушками. . .

...Были на немъ и какія-то другія красныя пятна. . .

Д Е Н Ъ Ш И К Ъ

(Р а з с к а з ъ)

—И что мнѣ только съ тобой, Зайкинъ, дѣлать? Ни ты на лошади сидѣть не можешь, — ни ты въ ногу ходить не умѣешь!! Никакого ты гусарскаго вида не оказываешь, — какъ есть прямо баба послѣдняя! Одно мнѣ съ тобой Божіе наказаніе!!

Невзрачный, мѣшковатый молодой солдатикъ, всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ дѣйствительно напоминавшій забитую деревенскую бабу, только потѣлъ и переминался съ ноги на ногу, выслушивая нотацію своего "непосредственнаго начальства" — браваго взводнаго унтеръ-офицера Бондарчука.

—Ничего не могу я съ нимъ подѣлать, Григорій Максимовичъ! —обратился взводный въ полномъ отчаяніи къ проходившему мимо солидному, важному вахмистру 1-го эскадрона Архипову. —Окажите такую милость: уберите вы его отъ меня куда-нибудь!! Только увесь взводъ мнѣ портить!!

Остановившись, вахмистръ строго посмотрѣлъ на "виновнаго" и задумался.

—Куда же я его дѣну? Нѣшто одрядить его въ деньщики къ ихъ благородію корнету Маркову, что назначенъ къ намъ въ эскадронъ?— немного подумавъ, проговорилъ онъ.

Судьба злополучнаго Зайкина была, такимъ образомъ, рѣшена.

На слѣдующій же день онъ явился къ только что выпущенному въ полкъ молодому корнету Владиміру Павловичу Маркову.

Весь находясь еще въ "радостномъ туманѣ" только что одѣтыхъ офицерскихъ погонъ, "влюбленными глазами"смотрящій на все, что принадлежало къ "Его Полку" юный корнетъ даже не обратилъ вниманіе на несуразную внѣшность назначеннаго ему деньщика.

Молодой офицеръ и деньщикъ скоро привыкли другъ къ другу. Не затуркиваемый больше строевой "муштрой", къ которой онъ былъ такъ неспособенъ, Зайкинъ оказался далеко не такимъ никчемнымъ и при-

дурковатымъ, какимъ его считали въ эскадронѣ и сразу же принялъ близко къ сердцу интересы своего молодого барина. "Финансовая" сторона несложнаго хозяйства корнета легла полностью на него и онъ бывалъ прямо "неумолимъ, когда хотѣлъ удержать своего барина отъ "лишнихъ", по его мнѣнію, тратъ. Честности онъ былъ удивительной и корнетъ Марковъ всецѣло довѣрялъ ему свою скромную "казну".

Будучи неграмотнымъ, Зайкинъ не могъ самъ читать получаемыхъ имъ изъ дому писемъ и корнету Маркову скоро пришлось сдѣлаться "конфидентомъ" его семейныхъ дѣлъ. Получивъ письмо отъ своихъ домашнихъ, Зайкинъ несъ его къ барину и, смущенно улыбаясь, просилъ его прочесть. Когда же ему самому нужно было написать письмо въ деревню, онъ опять-таки обращался къ корнету и тотъ терпѣливо писалъ под его диктовку длиннѣйшій деревенскій адресъ и передавалъ безконечные поклоны безчисленной роднѣ своего деньщика. Ему даже удалось, съ трудомъ, выучить Зайкина подписывать заглавные буквы его имени и фамиліи и Зайкинъ, обливаясь потомъ и пыхтя отъ пущаго старанія, выводилъ въ концѣ письма громадныя, нескладныя, какъ и онъ самъ, буквы, которыми потомъ долго съ гордостью любовался.

Однажды, получивъ съ почты грубый, сѣрый конвертъ, Зайкинъ принесть его, по обыкновенію, къ своему барину, лежащему съ книгой на диванѣ, и, остановившись у дверей, приготовился слушать вѣсти "изъ дому".

Послѣ длиннаго перечня всѣхъ "кумовъ, кумъ, снохъ и деверей", посылающихъ Зайкину свои поклоны, корнетъ прочелъ неѣсколько строкъ, рисующихъ всю безотрадную картину "попавшей въ бѣду" крестьянской семьи: Наступившая засуха уничтожила почти всѣ посѣвы и урожай былъ плохъ. На скотъ напалъ какой-то моръ. Братъ Зайкина — главный работникъ въ семьѣ — упал и сломалъ себѣ руку и не могъ работать. А тутъ подошло время платить подати, а денегъ не было. Пришлось продать послѣднюю корову и малые дѣти остались безъ молока. . . "

Слушая эту скорбную информацію, бѣдный Зай-

кинъ видимо страдалъ и то краснѣлъ, то блѣднѣлъ и украдкой смахивалъ набѣгавшую слезу.

—Что братъ, Зайкинъ, дѣла у твоихъ кажется плохи?!— сострадательно спросилъ добрый корнетъ Марковъ.

—Такъ точно, ваше благосродіе, — хуже и быть не можетъ. Семья у насъ большая, ртовъ много, а кормить-то и нечѣмъ, особливо безъ коровы,— печально отвѣтилъ Зайкинъ.

—Что же вы будете теперь дѣлать?— спросилъ корнетъ Марковъ, всею душою переживая драму своего деньщика. —А сколько у васъ тамъ стѣбитъ корова?

—Корова? Да меньше какъ за 20 рублей и не купишь теперь коровы,— отвѣтилъ Зайкинъ.

Корнетъ Марковъ задумался. Потомъ, принявъ сразу рѣшеніе, онъ сказалъ печально вздыхающему деньщику:

—Вотъ что, Зайкинъ, посмотри, тамъ, кажется, въ столѣ лежатъ 30 рублей. Возьми изъ нихъ 25 и пошли сегодня же семьѣ, чтобы купили корову!! (Деньги эти, собственно говоря, были отложены на поѣздку въ ближайшій большой городъ, чтобы побывать въ театрѣ и на покупку коробки конфетъ дамѣ, за которой онъ ухаживалъ, но доброе сердце корнета не могло устоять передъ горемъ деньщика!)

Расширенными, полными слезъ глазами, смотрѣлъ Зайкинъ на своего барина и не рѣшался исполнить его приказаніе.

—Что же ты ждешь?! Сейчасъ же возьми деньги и отправь, покамѣстъ почта открыта!!— прикрикнулъ на него корнетъ.

Понявъ, наконецъ, что баринъ не шутитъ, деньщикъ въ радостномъ порывѣ хотѣлъ было поцѣловать его руку, но корнетъ не далъ и погналъ его скорѣе на почту.

Съ этого дня Зайкинъ, и такъ преданный своему барину, сталъ его буквально боготворить и въ полномъ смыслѣ слова готовъ былъ отдать за него жизнь.

Такъ прожили они — близкіе одинъ другому — какъ могъ быть близокъ офицеръ солдату лишь въ Императорской русской арміи) — до самой войны 1914 года.

Когда была объявлена мобилизація, корнетъ Марковъ, перегруженный своими служебными обязанностями, не имѣлъ даже времени заняться собственными сборами къ походу и тутъ-то онъ смогъ полностью оцѣнить своего толковаго деньщика. Зайкинъ обо всемъ позаботился и распорядился: онъ собралъ и уложилъ походный багажъ своего барина, сдѣлалъ всѣ необходимыя покупки; расплатился по всѣмъ мелкимъ долгамъ корнета и свезъ и сдалъ въ полковой цейхгаузъ все его остающееся имущество.

Наканунъ дня погрузки пріѣхала изъ далекаго города старушка мать корнета Маркова, сдѣлавшая далекій путь, чтобы проводить и благословить на страшную войну единственнаго, любимаго сына.

Обливаясь материнскими слезами, старушка долго не могла оторваться отъ своего "ненагляднаго мальчика". Потомъ обернулась къ стоящему скромно въ сторонѣ деньщику и дрожащимъ голосомъ сказала:

—А ты, Зайкинъ, береги своего барина! Заботься о немъ тамъ, на войнѣ! Вѣдь тамъ, чай, и голодно и холодно ему, можетъ, будетъ. А я за тебя буду Бога молить!

—Не извѣйте беспокоиться, барыня, отвѣчалъ вѣрный деньщикъ. —Да я за ихъ благородіе и жизни не пожалѣю!

И Зайкинъ держалъ свое слово. Какая бы не была тяжелая обстановка, онъ всегда умудрялся дать во-время своему барину переодѣть вымокшее подъ дождемъ платье и бѣлье. Когда застревали гдѣ-то походныя кухни, Зайкинъ "изъ-подъ земли" доставалъ своему барину чѣмъ утолить голодъ. А сколько разъ согрѣвалъ его — продрогшаго подъ ледянымъ вѣтромъ и дождемъ, — горячимъ чайкомъ!!

Далеко не храбрый, пугливо вздрагивающій отъ каждаго выстрѣла, Зайкинъ превращался въ "неустрашимаго героя", когда надо было отнести корнету Маркову въ окопы котелокъ съ разогрѣтымъ борщомъ! Дрожа отъ страха, "кланяясь" каждой пролетѣвшей пулѣ, онъ все же настойчиво добирался до своего барина, чтобы его накормить. Когда полкъ отрывался отъ обоза и Зайкинъ долго не видалъ корнета Маркова, онъ

мѣста себѣ не находилъ отъ страха за него. Когда же видѣлъ его вновь живымъ и невредимымъ, то весь расплывался въ радостной улыбкѣ!

Шли годы страшной войны. Въ одномъ бою Марковъ (бывшій уже штабсъ-ротмистромъ) получилъ тяжелое раненіе съ раздробленіемъ кости правой руки. По выходѣ изъ госпиталя, онъ получилъ назначеніе на нестроевую должность въ тылу, такъ какъ состояніе руки не позволяло ему вернуться въ строй. Здѣсь захватила его и революція 1917 года.

Въ то время какъ строевые, фронтовые части, находящіяся лицомъ къ лицу къ непріятелю, еще держались, не подаваясь тлетворному дѣйствію Приказа № 1, тылъ наводняемый пришлыми агитаторами изъ рабочихъ, быстро разлагался, превращаясь въ вооруженную озвѣрѣвшую толпу.

Вѣрный Зайкинъ и въ эти сумбурные дни оставался преданъ своему барину и несмотря на насмѣшки и даже угрозы распустившихся солдатъ, продолжалъ служить ему съ прежнимъ усердіемъ.

Даже когда науськиваемый на офицеровъ "солдатскій комитетъ" постановилъ отобрать отъ офицеровъ деньщиковъ, Зайкинъ продолжалъ навѣдываться укладкой къ своему бывшему барину, чтобы почистить ему сапоги или прибрать въ комнатѣ.

Настали позорные дни "октября". Пришли къ власти большевики. Потерявъ всѣ сдерживающія начала, армія безудержно катилась къ анархіи. Случаи дикихъ самосудовъ надъ офицерами, стали частымъ явленіемъ и жизнь офицера, пытавшагося выполнять свой долгъ, была подъ вѣчною угрозою.

Тылъ жилъ нездоровою, лихорадочною жизнью. Уже второй день въ командѣ, въ которой служилъ Марковъ, шли бурныя засѣданія "солдатскаго комитета", "углубляющаго" "толкованіе Приказа № 1. Бочка съ порохомъ вотъ, вотъ готова была взорваться и тучи надъ головами офицеровъ все больше и больше сгущались!!

Однажды, позднею ночью, когда Марковъ только что забылся тревожнымъ, нездоровымъ сномъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что его кто-то осторожно трогаетъ за плечо.

Сразу проснувшись, онъ тревожно спросилъ:

—Кто тутъ?!

—Это я, ваше благородіе, Зайкинъ!

—Что такое?! Въ чемъ дѣло?!

—Бѣда, ваше благородіе! Вѣбра пріѣхали сюда какіе-то матросы изъ "Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ" и цѣлый день засѣдали въ нашемъ комитетѣ. Я слышалъ, что вынесли они рѣшеніе, чтобы завтра же утромъ арестовать всѣхъ офицеровъ и правиться съ ними, потому, говорятъ, — "враги народной власти и идутъ противу народа". Вамъ безпремѣнно надо сейчасъ же бѣжать отсюда. Я уже и лошадь вамъ запрягъ въ тачанку и проведу такъ, что никто и не увидитъ.

Нельзя было терять времени. Въ сосѣднихъ частяхъ уже были случаи кровавой расправы озвѣрѣвшихъ солдатъ съ офицерами, которые призывали ихъ идти на фронтъ. Штабсъ-ротмистръ Марковъ быстро одѣлся, разбудилъ трехъ другихъ офицеровъ и объяснилъ имъ положеніе.

Слѣдуя за Зайкинымъ, офицеры вышли во дворъ и добрались незамѣченными до задней калитки, за которой стояла привязанная къ столбу лошадь съ тачанкой.

—Ну, съ Богомъ, ваше благородіе! Ёзжайте скорѣе, пока ваъ не хватились,— сказалъ Зайкинъ, отвязывая лошадь.

—А ты, Зайкинъ? Развѣ ты не поѣдешь съ нами? Какъ бы тебѣ не поплатиться за насъ?! —сказалъ Марковъ, глядя на своего вѣрнаго деньщика.

—Нѣтъ, ваше благородіе, ёзжайте вы сами, а я здѣсь останусь. Сказываютъ, что скоро всѣхъ по домамъ отпускать будутъ. Такъ я ужъ подожду тутъ.

—Ну, какъ знаешь, Зайкинъ! Спасибо тебѣ, родной. Во вѣкъ не забуду твоей услуги. Давай на прощаніе обнимемся. Кто знаетъ, увидимся ли еще?!

Обнявъ и поцѣловавъ Зайкина, штабсъ-ротмистръ Марковъ ударилъ возжами по лошади и тачанка быстро покатила по пустынной улицѣ.

Постоявъ нѣсколько минутъ на улицѣ, прислушиваясь къ шуму удаляющейся тачанки, Зайкинъ вздохнулъ и вернулся въ баракъ.

Начало свѣтать. Только что успѣлъ Зайкинъ прилечь на свою койку и задремать, какъ его разбудила какая-то суматоха и бѣготня во дворѣ. Слышались озлобленные крики и неистовая ругань солдатъ, кого-то, повидимому, искавшихъ.

Зайкинъ накинулъ на плечи шинель и вышелъ во дворъ.

—Утекли золотопогонники!! Не иначе, какъ предупредилъ кто!!— кричали снующіе по двору и бараку разнузданные, потерявшіе обликъ человѣческій солдаты и матросы.

Увидѣвъ Зайкина, нѣсколько человѣкъ бросилось къ нему.

—Никто другой, какъ Зайкинъ — офицерскій холуй!!— захлебываясь отъ злости крикнулъ гориллообразный матросъ съ голой волосатой грудью и шеей, очевидно предводительствовавшій бандитами.

—Говори, с. с., ты сказалъ офицерамъ?!!

Сдѣлавшись бѣлымъ, какъ бумага, Зайкинъ молчалъ.

—А!! туды его!! Продался офицерью!! Бей его!!— и, подбѣжавъ къ Зайкину, матросъ изо всей силы ударилъ его кулакомъ в лицо.

Зайкинъ покачнулся и изъ его сразу вздувагося носа и рта хлынула кровь.

Видъ крови еще больше разъярилъ озвѣрѣвшую толпу и удары по головѣ, въ лицо и грудь посыпались на несчастнаго Зайкина, который только пытался закрывать руками голову.

Наконецъ, получивъ сильный ударъ по головѣ, онъ рухнулъ на землю и потерялъ сознаніе.

Расправившись съ Зайкинымъ, толпа сразу успокоилась и начала расходиться.

И вскорѣ изъ раскрытыхъ оконъ барака понеслись крики, пьяный смѣхъ, безсмысленно похабная, богохульственная брань и разухабистыя пѣсни, заглушаемые визгливыми звуками гармоники...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ барака, во дворѣ лежалъ весь окровавленный Зайкинъ и глухо стоналъ...

"ЭМАЛЕВАЯ ПУДРЕНИЦА"

(Разсказъ стараго гусара.)

Въ просторной столовой офицерскаго собранія N-го гусарскаго пола тихо догорали свѣчи "елки для холостхъ", которая по установившейся въ полку традиціи, зажигалась въ Рождественскій сочельникъ безсѣмейными офицерами полка". Человѣкъ 15 офицеровъ разныхъ чиновъ и возрастовъ уютно расположились за стаканами горячаго, ароматнаго пунша и трубками вокругъ длиннаго обѣденнаго стола. Весело потрескивающія въ печкѣ березовые дрова заставляли забывать о крѣпчавшемъ на дворѣ морозѣ, а тихое мерцаніе елочныхъ свѣчей и вся задушевность этой дружеской встрѣчи, въ канунъ великаго праздника, создавали какое-то особенное настроеніе, располагающее къ откровенности и дружескимъ изліяніямъ.

Предсѣдательствовалъ за столомъ сѣдой, но еще представительный подполковникъ Николай Николаевичъ Барсовъ — общій любимецъ полка и непререкаемый арбитръ во всѣхъ вопросахъ чести и полковыхъ традицій. Со своего мѣста онъ благодушно посматривалъ на своихъ "птенцовъ", какъ онъ любовно называлъ юныхъ корнетовъ, которые, по мѣрѣ того, какъ пустѣли ихъ стаканы, становились все оживленнѣе и шумнѣе.

Разговоръ, перескакивая съ темы на тему, какъ это часто бываетъ у военной молодежи, перешелъ на женщинъ. Подстрекаемый товарищами, присяжный разсказчикъ — поручикъ Козловскій — вдохновенно импровизировалъ какія-то свои фантастическія "амурныя" похожденія у "дамъ высшаго свѣта" и офицеры дружно смѣялись его неистощимому вымыслу. Когда же Козловскій, исчерпавъ, наконецъ, свой репертуаръ, умолкъ, его смѣнилъ новый разсказчикъ (смѣняли и собранскіе вѣстовые опоражниваемые стаканы пунша, замѣняя ихъ полными), а дружеской бесѣдѣ, казалось, не будетъ и конца. Одинъ лишь подполковникъ Барсовъ, добродушно слушая молодежь и отхлебывая изъ своего стакана, не принималъ самъ участія въ шумномъ разговорѣ.

—Ну, Николай Николаевичъ, расскажи ты теперь намъ что-нибудь! У тебя-то ужъ навѣрное были въ жизни интересные случаи?!— обратился къ нему ротмистръ Горскій, большой другъ Барсова.

Предложеніе его бурно подхватила и вся разошедшаяся молодежь, желавшая послушать своего любимца!

—Да что вамъ рассказывать? Развѣ вы — молодежь — понимаете рыцарское отношеніе къ жинщинѣ?! Вамъ, повѣсамъ, только бы волочиться, безъ разбору, за каждой первой встрѣтившейся юбкой!... Да и нѣту у меня ничего интереснаго, чтобы вамъ рассказать,— благодушно улыбаясь, молвилъ подполковникъ Барсовъ, закуривая свою трубку...

—Не повѣримъ, что бы нечего было рассказать!!— хором закричали молодые офицеры. —Ты долженъ рассказать намъ — молодымъ, — какъ ухаживали за хорошенькими женщинами въ ваше время!!

—Господа,— не сдержавшись крикнулъ юный корнетъ Шумскій, —а вѣдь у Николая Николаевича даже хранится дома какая-то таинственная эмалевая пудреница, я самъ видѣлъ!!

Подполковникъ Барсовъ слегка смутился, но приведя себя въ равновѣсіе новымъ глоткомъ изъ своего стакана, рѣшительно сказалъ:

—Ну, ладно! Такъ и быть, расскажу вамъ одинъ дѣйствительно занятный случай, но только "чуръ" — меня не перебивать и неумѣстныхъ вопросовъ не задавать!! Ну, слушайте.

Офицеры придвинули ближе къ Барсову свои стулья и приготовились слушать.

—Въ 190... году, — началъ свой рассказъ подполковникъ Барсовъ, былъ я командированъ въ Петербургъ въ Офицерскую Кавалерійскую Школу. Работа, какъ сами понимаете, была тамъ серьезная: —отѣздишь за день в манежѣ 4-хъ лошадей, да вольтижировка, да были и другія занятія, — такъ время и проходило. По субботамъ я, обыкновенно, отправлялся къ кому-нибудь изъ знакомыхъ или въ театръ. Большой я любитель былъ оперы: —послушаешь тамъ хорошее пѣніе, да встрѣтишь непремѣнно кого изъ пріятелей...

Ну, такъ вотъ: "въ одну изъ субботъ, поужинавъ

въ "Собраніи Арміи и Флота", иду это я къ себѣ домой, чтобы переодѣться и ѣхать въ театръ. А жилъ я, нужно вамъ сказать, на Моховой улицѣ, гдѣ снималъ небольшую квартирку на 2-мъ этажѣ. Поднимаюсь я къ себѣ по лѣстницѣ и только хочу достать изъ кармана ключъ, чтобы отпереть дверь, какъ вдругъ снизу мимо меня изъ темноты (освѣщеніе на лѣстницѣ было слабое) — проносится какое-то воздушное существо и прямо "шмыгъ" — за выступъ стѣны на моей площадкѣ!! Что такое, думаю?!

Вижу, стоитъ около моей двери эдакое прелестное созданіе: фигурка тоненькая, глаза большущіе. Блѣдная, блѣдняжка, и вся дрожитъ. Одѣта со вкусомъ: ничего, такого, кричащаго. На лицѣ вуалетка, а въ рукахъ муфта. Смотрю на нее и думаю:

"Что сей сонъ означаетъ?!"

Дама прерывисто дышетъ, хочетъ мнѣ что-то сказать и не можетъ отъ волненія. Наконецъ собралась съ духомъ: — "Я," — говоритъ. . . Въ это время по лѣстницѣ слышались чьи-то грузные шаги. Незнакомка рванулась и прижалась за моей спиной къ двери, а изъ муфты ея что-то выпало и покатилося по полу къ моимъ ногамъ. Что за оказія, думаю??! Смотрю, поднимается по лѣстницѣ какой-то штатскій — не то чиновникъ, не то адвокатъ. Лицо взволнованное, глазами ворочаетъ во всѣ стороны, какъ бы хочетъ что-то высмотрѣть, а за выступомъ стѣны ему моей двери и не видно. Ну, думаю, тутъ пахнетъ какой-то драмой — не надо и въ театръ идти!! Смотрю на молодца выжидательно.

Наконецъ онъ выпалилъ, видно первое, что пришло въ голову:

—Извините,— говоритъ, —не тутъ ли живетъ господинъ Ивановъ?!

(Тутъ я только замѣтилъ, что около моихъ ногъ лежитъ дамская пудреница и, какъ бы невзначай, уронилъ на нее платокъ). Нѣтъ, думаю, шалишь, братъ, не выдамъ я барыньку! а самъ ему загораживаю дорогу.

—Не знаю, — отвѣчаю, — быть можетъ здѣсь раньше и жилъ господинъ Ивановъ, а теперь живу я. Чѣмъ могу служить?!

Адвокатикъ мой помялся, видитъ, что дѣлать ему

тутъ нечего. Извинился, да и ретировался. Поднялъ я пудреницу и оборачиваюсь къ моей "гостьѣ". — Стоитъ бѣдняжка, и еле дышетъ отъ испуга...

—Ради Бога,— выговорила, наконецъ, —простите, я сейчасъ вамъ все объясню...

Я ее, эдакъ вѣжливо, прерываю и говорю:

—Сударыня, вы пришли сюда. Вѣроятно вамъ нужна была моя помощь, а можетъ быть и защита. Я къ вашимъ услугамъ. А знать мнѣ ничего не надо!

У бѣдняжки показались слезы на глазахъ.

—Спасибо, —говоритъ, — вы настоящий рыцарь! Сейчасъ я объ одномъ васъ попрошу: проводите меня до извозчика.

Ну, усадилъ я ее на извозчика, откланялся и вернулся домой. Переодѣлся и поѣхалъ въ театръ. Жаль только, пропустилъ 1-ый актъ "Травіаты", а я его очень люблю.

Прошло съ мѣсяць или болѣе. Нужно мнѣ было какъ-то быть на раутѣ въ одномъ очень аристократическомъ домѣ. Народу — пропасть! Общество самое изысканное. Стою и разговариваю съ хозяйкой дома. Вдругъ, вижу входитъ въ залъ еще какая-то пара. Глянулъ: —моя незнакомка съ тѣмъ молодымъ, котораго не пустилъ я къ своей квартирѣ. Еще прекраснѣе она мнѣ въ этотъ разъ показалась — ну, прямо красавица! Вижу, что и она меня узнала и вся обмерла! Ну, я, конечно, и виду не показываю, что знаю ее. Знакомятъ насъ. Мужъ, какъ видно, меня не узналъ. Оказался онъ какой-то важной шишкой въ одномъ изъ министерствъ. Когда пара отошла отъ насъ, хозяйка дома (между нами говоря, любившая немного посплетничать), и говоритъ мнѣ:

—Неправда ли, какъ очаровательна мадамъ Х?! Я ее очень люблю. Бѣдная очень несчастлива со своимъ мужемъ. Онъ ее прямо замучилъ своею бѣшенною ревностью, да къ тому же и скупъ страшно. А она очень добрая. Вотъ узнала, напримѣръ, что ея бывшая старая гувернатка-француженка лишилась мѣста и лежитъ больная. Она и навѣщаетъ ее гдѣ-то на Моховой улицѣ и тайкомъ отъ мужа, помогаетъ деньгами. А вѣдь если бы мужъ только узналъ бы объ этомъ, то была бы

страшная драма! Недавно она чуть не столкнулась съ нимъ около дома, гдѣ живетъ эта француженка и еле успѣла отъ него спрятаться внутри дома!...

Подполковникъ Барсовъ сдѣлалъ паузу и затянулся изъ своей трубки.

—Да, вотъ бывають же такіе неудачные, тяжелые браки!— задумчиво добавилъ онъ и замолчалъ.

—Ну, а дальше что же было?! Не можетъ же быть, чтобы этимъ все и кончилось?! Встрѣчалъ ли ты еще послѣ эту даму?!— слышались вопросы заинтригованныхъ слушателей.

—Дальше? Дальше ничего не было. Да и что могло быть дальше?— немного запнувшись, отвѣтилъ подполковникъ Барсовъ. Но его лицо, вдругъ принявшее нѣжное, одухотворенное выраженіе и легкая дрожь въ голосѣ говорили о томъ, что онъ что-то не договариваетъ, что эта встрѣча не была послѣдней и что женщина, такъ неожиданно встрѣтившаяся на его пути, оставила въ жизни подполковника глубокой неизгладимый слѣдъ. И стало тогда понятно и значеніе бережно хранимой Барсовымъ эмалевой пудреницы, и отчего этотъ, съ рыцарскимъ сердцемъ, со слѣдами бывшей мужественной красоты старый гусарь, остался навсегда холостякомъ...

Разошедшіеся было молодые офицеры невольно затихли и перестали балагурить. Подполковникъ Барсовъ, слабо улыбаясь какимъ-то своимъ сокровеннымъ мыслямъ, потягивалъ дымъ изъ своей трубки и мечтательно смотрѣлъ въ темное окно...

К о н е ц ъ .

